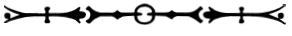
РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ

Из рукописи к роману «На улице»

Из рукописи к роману «На улице»

Рукопись романа «На улице» хранится в Государственном архиве Свердловской области (ГАСО) — ф.136, оп. 1, ед. хр. 23.

Она больше канонического журнально-книжного текста на 60 рукописных страниц. Готовя роман к публикации в журнале «Русская мысль» (1886, №№ 3—8), автор сделал ряд значительных сокращений в последних, третьей и четвертой, частях.

Впрочем, аналогичное сокращение финальных глав Д.Н.Мамин-Сибиряк производил и в других романах — и в «Приваловских миллионах», и в «Диком счастье», готовя произведения к печати: везде он убирал или сжимал описательные бытовые сцены, чтобы придать большую динамику сюжету. При этом корректировались и начальные замыслы.

В журнальной редакции романа «На улице (Бурный поток)» сокращения рукописи заметны сразу по внешним признакам: при примерно одинаковых «площадях», отводимых в каждом выпуске на маминский текст, в номерах с 3-го по 7-й печатались по половине 1-й, 2-й и 3-й частей, а в номере 8 опубликованы сразу вторая половина 3-й части и вся 4-я часть.

В рукописном варианте романа 3-я и 4-я части состоят из 12 глав, в окончательной редакции число их сокращено до 8. В данной публикации рукописного текста указаны прежние номера лишь целых пропущенных глав и тех, которые начинались с больших фрагментов, не включенных в окончательную редакцию: главы I, VI и VII 3-й части, VII и XI 4-й части.

Сокращения в романе «На улице» не означали пересмотра авторской концепции, а лишь ее уточнение. К концу романа «улица» становится все агрессивнее и циничнее, ее герои в своих вожделениях доходят до крайностей: молоденькие барышни из «хороших семейств» становятся содержанками богатых заводчиков, дельцы открыто грабят друзей, а идеологи «прогресса» публично предают интересы национальной экономики. Совершаются события одно другого экстравагантнее, выливаясь грязным «бурным» потоком — и в этом потоке чувствуется приближение катастрофической развязки. Мамин убирает или сокращает до минимума все, что может тормозить катастрофу, все нравоописательные сцены, имеющие маргинальный характер: заботы «газетных старичков» о сохранении престижа «Северного Сияния» в «мертвый» читательский сезон; психологические характери-

стики участников промышленного «съезда соревнователей»; пустые напыщенные речи публициста Нилушки Чвокова; разговор oncl'я с матерью о его предстоящей женитьбе и т.д. и т.п.: подчищает даже значимую сцену конских скачек в Царском Селе.

В то же время автор наделяет своих «звезд улицы» чувством катастрофичности бытия, сталкивает в душах их уличное с человеческим. Хотя то и другое имеет у них одну основу — жажду интенсивной жизни, они все же временами остро переживают отступления от человечности, особенно когда совершается профанация чести, достоинства, чистоты. Это убедительно показано на страданиях oncl'я и Доганского по поводу падения Юленьки, и в данной сюжетной линии сокращения минимальны.

Между тем тенденция показать пробуждение человеческого в «уличном человеке», отчетливо проявившаяся в начальной рукописи, при сокращении текста редуцируется. В журнальной редакции автор убрал все места, «приподнимающие» Сусанну и Юлию. Изъята сцена встречи Сусанны с «непреклонным» стариком Зостом, которого ей удается разжалобить и очаровать. Исключена итоговая фраза о том, что «она была виновата, но не во всем виновата. Теперь она желала себе полного обвинения». Убран мелодраматический прощальный аккорд последнего объяснения Юлии с ее отцом, Доганским, противоречащий ее постоянному заверению в ненависти к нему: «Доганский протянул руку, но Julie обхватила его шею обеими руками и горячо целовала его мудреную голову» (стр. 681). Показное могущество Доганского и Богомолова — «великих людей улицы» — в финале развенчивается: в них отчетливо проступают черты изощренного преступника и крупного хищника-воротилы. От сокращения некоторых «эффектных» мест, бросавших свет героического на лжегероев (например, устройства изысканного аквариума «невозмутимым» Доганским накануне ареста), текст романа лишь выиграл.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Главы I, VI и VII рукописи, не вошедшие в публикацию

I

– Признаюсь, успех «Северного Сияния» в конце концов составляет для меня загадку, – лениво говорил Нилушка Чвоков, потягиваясь после завтрака на каком-то необыкновенном турецком диванчике. – Это небывалый пример в летописях русской журналистики… Я человек откровенный, Роман, и, говоря между нами, ей-богу, не понимаю, что такое находит публика в твоей газете?

– И я тоже не понимаю… – равнодушно ответил Покатилов, рассматривая модные башмаки Нилушки.

– По моему мнению, успех газеты создала война, – отозвался куривший сигару Богомолов. – Сначала эти герцеговинцы, потом Черня-

ев со своими добровольцами, наконец наша собственная турецкая кампания. Публика читала газеты нарасхват…

— Да, да… – торопливо соглашался Нилушка, улыбаясь глазами. – Именно война, это вне всякого сомнения. Роман умел попасть в тон публике и даже перещеголял самого Котлецова своими необычайными симпатиями к братушкам… ха-ха!.. Именно так и нужно вести газетное дело: газетчики – рабы публики и должны потрафлять ей во всем. Собственно говоря, по моему мнению, все эти герцеговинцы, добровольцы, генерал Черняев, турецкие зверства – все это было создано газетчиками…

— Именно! – горячо подхватил Богомолов, не понимавший, куда гнул Нилушка. – Эта проклятая война все испортила. Помилуйте, общий застой в делах: нет денег, нет кредита, нет промышленной энергии, нет спроса на товары – и все виновата эта дурацкая война!..

— Прибавьте к этому, что война разрушила все, что мы успели сделать для горного дела, – подхватил Нилушка. – Теперь изволь сидеть у моря и ждать погоды… Газетчики набили себе карманы, а мы остались при собственном печальном интересе.

Если бы Покатилову заколачивали гвозди в голову, он не испытывал бы того подавленного глухого бешенства, которое поднимали в нем откровенные размышления старого друга – все, каждое слово было пропитано ядом, и Покатилов собирал всю энергию, чтобы не выдать себя. У него каждый раз являлось скромное желание выгнать Нилушку вон, но разве один Нилушка точил его, как червь, – все донимали по-своему, и вся разница заключалась только в том, что другие были неизмеримо глупее Нилушки. Если гнать, так гнать всех, а это было невозможно. Покатилов с тоской посмотрел на дверь столовой, откуда доносился смешанный гул споривших голосов, на другой конец своего кабинета, где собралась шептавшаяся кучка его новых друзей по газете, и только пожевал губами.

Весеннее горячее солнце врывалось в большие окна и заливало всю комнату ликующим светом. Колебавшиеся золотые пятна бродили по стенам, теплились сквозившими полутонами на коврах, загорались слепившими глаз бликами на багетах, бронзе, рамах картин. Громадная комната, служившая Покатилову кабинетом, была убрана с артистической роскошью и делилась на уютные уголки, каждый в своем стиле. Собственно, ничего общего, казенного и условного здесь не было, но каждая вещь отлично говорила сама за себя и в то же время вытеняла все другие подробности обстановки. Отдельно стоял простой письменный стол, заваленный бумагами, папками, книгами, газетами; около него разместились простые кресла и стулья – это был хозяйский рабочий уголок, где роскошь была бы смешной. На столе ни одной глупой безделушки, какими обыкновенно бывают завалены все письменные сто-

лы. В дальнем углу кабинета, где теперь шепталась кучка друзей, в художественном беспорядке была расставлена кругом длинного орехового стола на тонких ножках старинная итальянская мебель – кресла с высокими вычурными спинками, какие-то необыкновенные стулья на трех ножках, жесткий неудобный диван с выгнутой спинкой. На полу лежал потерявший все краски венецианский ковер, а на стене красовалась какая-то старая итальянская картина. У одной стены стоял широкий и низкий турецкий диван с круглыми подушками, над ним по стене был растянут яркий турецкий ковер и такой же ковер на полу. В углу у окна кокетливо приютилась кушетка, несколько кресел раковинами, вычурный столик и такая же жардиньерка в стиле Louis XVI, в другом – тяжелая старинная немецкая мебель, а около камина на громадной медвежьей шкуре две английских стальных качалки и низенькая бархатная скамеечка неизвестного стиля. Два исторических книжных шкафа из лупившегося ореха, несколько подставок с настоящей китайской бронзой, две больших картины русской школы, терракоты, японский лак, мраморная статуэтка, прятавшаяся в экзотической зелени, – одним словом, кабинет мог удовлетворить кого угодно, не надоедая пестротой.

Нилушка, Богомолов и Покатилов разговаривали в турецком углу. Нилушка возлежал на диване, Богомолов и Покатилов сидели в креслах.

— Да, черт возьми, когда подумаешь, что каких-нибудь четыре года назад Роман Ипполитыч прозябал где-то на Моховой в номерах Баранцева… – заговорил Нилушка после длинной паузы. – Вот это называется счастьем: из паршивого номера перебраться вот сюда. Да, черт возьми, недурно…

Нилушка обвел глазами всю комнату и даже причмокнул от удовольствия, а Богомолов завистливо покосился на хозяина и подумал: «Что же тут удивительного – дуракам счастье…».

— А как это называется коллекция японского фарфора, которую ты приобрел на распродаже? – не унимался Нилушка.

— Старый «Сатум», т.е. фарфор шестнадцатого столетия, – объяснил Покатилов, чтобы отвязаться. – Принц такой был в Японии, который вызвал лучших мастеров из Кореи в Японию.

— Да, да, именно старый Сатум, черт его возьми совсем… Это на камине горшочки стоят?

— Да.

— По-моему, одна чертовщина в этой японщине и китайщине, братец мой, и никакого толку: какая-то чудовищная фантазия и чисто китайское безобразие. Конечно, я профан по этой части, но…

— Я и не думаю спорить: горшочки так и останутся горшочками.

В столовой, отделанной в русском стиле, сидело человек пять газетных сотрудников – тут был и мрачный критик, напускавший сухоту

на цветы российской словесности, и собственный корреспондент, разбитной малый, видевший, кажется, все на свете, и специалист по части внешней политики, сидевший теперь по мирному времени без всякого дела, и наш старый знакомый Бодяга, фигурировавший в «Северном Сиянии» в качестве «заредактора», и театральный рецензент. На столе в беспорядке торчали пустые бутылки, недопитый графин водки и еще какое-то «питво», тарелки с объедками, залитая скатерть, окурки папирос, кучки пеплу — все говорило о непринужденном состоянии весело беседовавшей компании.

— Дайте срок, я этого Шилова расколю надвое, — повторял мрачный критик, любившие жестокие слова, а в сущности самый добрейший человек. — Помилуйте, разве это возможно: в один год человек накатал целых десять печатных листов… Я тогда его похвалил за первый рассказец, а он и пошел чертить. Помилуйте, Гончаров писал каждый роман десять лет, а это в год составит всего три печатных листа. Вот как следует писать, а то выскочил в литературу этакой какой-нибудь мальчик и пошел прыгать на одной ножке.

— Следует, Африкан Африканыч… — мямлил засыпавший политик, вечная жертва русской критики.

— Что следует-то?

— Надвое подлеца… расколоть!

— И расколю…

Бодяга тоже изображал добровольную жертву в руках слащавого театрального рецензента, который придвинулся к нему так близко, что они два раза даже встретились носами, когда повернулись одновременно к собственному корреспонденту, перебегавшему от одной группы к другой.

— Конечно, я работаю в «Северном Сиянии», а все-таки Покатилов, если разобрать, порядочный жулик… — шептал вкрадчиво рецензент самым задушевным шепотом. — Ведь я его знаю: не велика в перьях птица. Так?..

— Совершенная свинья… — соглашался Бодяга, хлопая налитыми кровью глазами – он исправно напивался два раза в день.

— Вот-вот, ведь я знаю… Котлецов, конечно, тоже подлец, но за ним уже есть известная давность. Понимаешь?.. Публика привыкла к нему, а это много значит… Когда я работал в «Прогрессе», я, брат, держал его в ежовых рукавицах. Ведь театр — сила, и мы эту силу в кармане у себя держали, а теперь Покатилов все дело портит.

— Покатилов — подлец… — мычал Бодяга.

— Господа, позвольте!.. — взывал собственный корреспондент. – Когда я был в Каире, там алмеи танцевали «осу»… Это только я и мог видеть и больше никто!.. У меня были рекомендательные письма к самому хедиву. Одна алмея ловко всю эту пантомиму проделала: «Ах,

оса!.. ах, оса!..». Понимаете: при этом такое нервическое сотрясение бедр, такая мимика…

— Не ври ты, Никитушка, ради Христа!.. – упрашивал корреспондента внешний политик, на мгновение освободившись от своего мучителя.

— Нет, я прямо скажу: этот ваш Покатилов просто червонный валет… – слышался чей-то голос.

— Да, но ведь мы работаем у него и кроме того пьем, а иногда и сигары курим…

— Что же из того?.. Кто ему делает газету?.. Э, батенька, чужыми руками хорошо жар загребать.

Этот громкий говор в столовой доносился, конечно, до ушей Покатилова, но он привык уже к этой откровенности своих сотрудников, притом все дело ограничивалось обыкновенно словами, а на деле все они заискивали перед ним и постоянно старались напакостить друг другу. Пьяный Бодяга ругался со всеми, а Покатилову доставалось от него особенно, но, проспавшись, хохол держал себя самым скромным образом и по-хохляцки очень ловко умел угодить и польстить своему патрону. Покатилов когда-то сам проделывал то же самое с несчастным Брикабраком и теперь вполне понимал душевное состояние своих сотрудников.

«А вот те шептуны что-то там плетут…» — думал Покатилов, наблюдая кучку «новых друзей», засевших в итальянском уголке за какими-то мудреными ликерами.

Эти новые друзья нового редактора представляли из себя чрезвычайно типичное явление в газетном мирке — тут было известное беллетристическое имя, потом два ученых, потом бывший писатель, разменявшийся на мелкую монету, наконец несколько газетных перебежчиков, переходивших из одного издания в другое. Все они чрезвычайно ценили свои имена и держались брезгливо в сторонке от безымянного газетного сотрудника, как люди, попавшие не в свое общество. Они позволяли угощать себя хорошими завтраками, хорошим вином, сигарами, а потом удалялись в уголок и здесь начинали ругать хозяина и сочиняли остроумные анекдоты по его адресу. Собственно, это были озлобленные люди разными личными неудачами или совсем сбившиеся с пути. Улица давала им гостеприимный приют, и они здесь изнашивали все, что успело накипеть на душе. Для такой газеты, как «Северное Сияние», подобные господа служили большим подспорьем, хотя положиться на них никогда было нельзя.

– Меня возмущает эта вечная газетная ложь, — с негодованием говорил один из ученых людей. — Публика доверчива и принимает всякую газетную грызню за чистую монету, а между тем это только искусство faire le facon. Взять хоть Котлецова и Покатилова – грызутся,

как две собаки, а самим решительно все равно. Я своими глазами видел, как в прошлом году Покатилов встретился с Котлецовым в Биаррице: руки жмут друг другу, улыбаются. И так все в нас: одно для публики, другое для домашнего употребления…

— Оба лучше… – заметил бывший беллетрист. — Я увидел, что им доставляет удовольствие, когда их ругают.

«Наш известный беллетрист» глубокомысленно молчал и сосредоточенно смаковал ликер из высокой узенькой рюмочки. Он не любил высказываться в людях, предпочитая откровенные беседы с глазу на глаз – бывший беллетрист теперь повторял только его слова. Из перебежчиков особенно интересную разновидность представлял молодой человек с бледным лицом и чувственным широким ртом. Он принадлежал к разряду «проклятых» людей в газетном мире, которые удивляли даже столичную улицу своей отпетостью и бесшабашной продажностью.

— Все равно, братику, сколько ни прыгай, а веревки не минуешь, — говорили добрые люди проклятому человеку.

В итальянском углу шла самая сдержанная беседа, и собеседники все посматривали на Покатилова с присными, которых они ненавидели с замечательным единодушием.

— Мне всегда доставляет удовольствие наблюдать этих благочестивых людей, – говорил второй ученый человек. – Сколько достоинства, нахальства и… глупости. Знаете, что связует это прелестное трио?..

Слушатели разными способами выразили свое желание услышать разгадку от самого автора.

— Этот связующий элемент — безграничная ненависть друг к другу, — разрешил второй ученый человек общее недоумение. — Отнимите у них это святое чувство, и все они завтра же повесятся…

— Но ведь этим святым чувством держится все в нашем газетном мире? — подхватил бывший беллетрист. – Я говорю не про показную газетную ярость, а про свою домашнюю злость… Все вертимся на этом шпенечке.

— Ну, это уж философия цепной собаки, — авторитетно изрек «наш известный беллетрист», любивший оборвать поддавшегося человека, потому что свои мысли в чужой голове для него были личным оскорблением.

— Однако, мне пора до дому, — говорил Нилушка Чвоков, поднимаясь с дивана. – Нам с вами, Богомолов, кажется, по пути?

— О, да… Сегодня биржевой день, — отозвался Богомолов.

— Отлично, я могу вас довезти. Кстати и сам заверну на биржу, – говорил Нилушка, привычным движением натягивая перчатку на руку. – До свидания, Роман… Ах, кстати, ты где нынче думаешь взять лето?..

— Я уже нанял дачу в Павловске, — ответил Покатилов, очень довольный, что старый друг наконец убирается.

— Да, да, я и забыл… Доганские тоже ведь будут жить в Павловске, – тянул Нилушка, в последний раз оглядывая покатиловский кабинет. – А эту кумирню тоже с собой заберешь? Вот все эти лаки, бронзы, Сатуми, разные Louis и разлюли…

Покатилов вдруг вспыхнул, но его спас страшный шум в столовой, где бушевал Бодяга.

— Ах ты, оса каирская… я тебе покажу!.. — орал заредактора, замахиваясь графином на нашего собственного корреспондента.

Заслышав скандал, перебежчики торопливо начали прощаться с хозяином, потому что совсем не желали смешивать себя с газетной безымянной сволочью.

— Эти редакторские жир-фуксы всегда кончаются скандалом, – острил на лестнице наш известный беллетрист.

Бушевавшего заредактора усмирил прибежавший на шум капитан Пухов, который сегодня принимал посетителей в приемной вместе с Мостовым – старики редко принимали участие в этих беседах с возлиянием, потому что немного опасались настоящих литераторов.

Наконец, все разошлись, и Покатилов остался один в своей «кумирне». Он долго шагал из угла в угол, напрасно стараясь успокоиться. Чтобы освежить голову, он растворил окно и долго любовался кипевшим внизу Невским, где теперь двигалась сплошная полоса экипажей. Весенний день был на исходе, и публика торопливо спешила куда-то с тем особенным лихорадочным беспокойством, какое овладевает Петербургом только весной.

— Да, четыре года… — повторял Покатилов, наблюдая вечный уличный поток. – А давно ли, кажется, я состоял при редакции несчастных «Искорок»?.. И недавно, и вместе ужасно давно… А этот Нилушка все-таки порядочная скотина: горшочки… кумирня… разлюли… Непременно распространится о номерах Баранцева, о направлении газеты, о Доганской… тьфу, дьявол!..

Вместе с успехами покатиловской своей газеты росли и зависть к ее редактору, вырывавшаяся наружу мелкими уколами, шпильками, злословием. Покатилову приходилось барахтаться среди этих маленьких самолюбий, затаенной ненависти, вечной фальши и специально газетного самоедства, как говорил капитан Пухов. Собственно в газетном мирке все это давным-давно превратилось в своего рода modus vivendu, но Покатилову было тяжело видеть, как его старый друг Нилушка начинает его преследовать без всякой видимой причины, кроме зависти… Сам давно сыт, так зачем другие хотят быть сытыми. Нет, это уж свинство. И главное, всегда попадет в самое больное место: кумирня… Покатилов несколько раз оглядывал свой кабинет и начинал чувство-

вать, что старый друг Нилушка убил все это великолепие одним словом — кабинет делался противным Покатилову. А между тем сколько потрачено было умения, хлопот и фантазии на эту кумирню, и Покатилов еще вчера гордился своей обстановкой. Подлец этот Нилушка!..

«Действительно, все это глупо, если разобрать, — додумался наконец Покатилов, начиная уже ненавидеть кумирню. — Э, все равно… дело не в этом».

Нилушка знал, для кого Покатилов городил свою кумирню, и поэтому удар получал двойную силу.

VI

Лето было вообще самым счастливым временем для «газетных старичков» — они оставались постоянными хозяевами газеты и вели все дело, оживляя столбцы своими средствами, а нынешнее лето в особенности. Все, что лезло в «Северное Сияние» зимой, теперь разбежалось в разные стороны — Покатилов жил в Павловске, Бодяга уехал за границу лечиться от пьянства, «наш собственный Никитушка» укатил в Испанию, критик куда-то в имение жены, самоеды тоже разбежались по своим углам.

— Наемник яко наемник, — говорил капитан, покручивая свои седые усы, — наемник не есть пастырь… Так, Симон Денисыч?

— Конечно… Мы и без них обойдемся да еще так наставим газету, что этим самоедам и во сне не видать.

Газетные старички постоянно ревновали других сотрудников к своей газете, потому что всякий на готовое-то падок, а вы вот свое дельце заведите. Если разобраться серьезно, так эти господа литераторы самый пустой народ — больше доверчивую публику обманывают хорошими словами. А уж этого самолюбия у них да чванства — не расхлебать.

Самым большим удовлетворением для капитана Пухова и Симона Денисыча были приемные часы в редакции «Северного Сияния». Они обыкновенно принимали посетителей вместе и держали себя с необыкновенным достоинством. Если капитан в чем-нибудь затруднялся, он обыкновенно обращался к Мостову:

— Симон Денисыч, как вы думаете?

Если они затруднялись оба, то просили зайти в редакцию через несколько дней, а сами держали военный совет, по возможности стараясь не беспокоить Покатилова разными пустяками. Впрочем, это не мешало им иногда спорить очень горячо.

— Уж вы извините меня, капитан, — говорил Симон Денисыч, азартно размахивая руками, — хотя вы и военный человек, а в поли-

тике вас ничего не стоит провести… да-с! Например, отношения Австрии к нашим братьям-славянам?.. К сему помните, какую горячку вы пороли пред войной, а братушки и показали себя… Я, например, всегда предвидел исход несчастного берлинского конгресса, а вы радовались, что русские под Константинополем стоят… Мое и вышло: постояли и ушли.

— Так-с, так-с… А кто, Симон Денисыч, сочувствовал Англии, например?.. — возражал капитан не без ехидства. — А Англия, например, за здорово живешь хапнула целый Кипр-с… Это как по-вашему-то выходит?..

— Да ведь я защищал министерство Гладстона, а не Биконсфельда, — возмущался Симон Денисыч, колотя себя в грудь кулаком.

— Э, это один черт… По-моему, все дело нужно было покончить разом: раз-два-три, и Константинополь наш.

— А потом вас из вашего-то Константинополя по шеям… Э, слушать вас тошно, капитан! Уж пишите о потерях да об архангельской икоте…

— Знаем мы и вашу-то политику: взял ножницы да из иностранных газет и надрал…

Остервенившись, капитан показывал двумя пальцами, как Симон Денисыч работал ножницами, а Симон Денисыч плевал и убегал в другую комнату.

Впрочем, к чести наших героев, мы должны сказать, что все эти маленькие недоразумения разрешались обыкновенно более крепким миром, потому что газетное дело не ждет и нужно работать, работать и работать. Капитан прежде заведовал политикой, а нынче перешел к внутреннему отделу, предоставив с свойственным ему великодушием ответственное занятие политическими вопросами Симону Денисычу. Дело вообще получилось не маленькое, хотя и не особенно сложное, потому что друзья одинаково усердно работали ножницами и выкраивали свои отделы, как шьют одеяла из ситцевых лоскутков и обрезков. Впрочем, капитану сначала много неприятностей доставляли «наши корреспонденты» — пришлют всегда такую массу писаной бумаги, что нужно ослепнуть два раза, чтобы одолеть все это борзописание. Но потом капитан вышел из затруднения с большой находчивостью: он отбирал только самые коротенькие корреспонденции, урезывал их с начала, и с конца, и с середины и в этом изуродованном виде уже передавал тиснению. Задача заключалась в том, чтобы известия получались непременно со всех концов России, и капитан разрешал эту головоломную задачу самым блестящим образом. Он делал так: в воскресенье печатал корреспонденции из центральных губерний, в понедельник об угрюмом севере, во вторник — с юга, в среду из западного края и т.д. Результаты получались превосходные, и когда под рукой не

было подходящего материала, капитал вырезывал кое-что из других газет или пускал залежавшуюся корреспонденцию, переставив число.

Симону Денисычу во всяком случае было труднее, но его спасало знание новых языков. Может быть, людям непосвященным это покажется странным, но цель всего политического отдела в «Северном Сиянии» заключалась главным образом в том, чтобы насолить котлецовскому «Прогрессу». Котлецов пишет за панславизм, значит Симон Денисыч должен вытащить на сцену «всечеловека», «Прогресс» бьет немцев и евреев, стоит за расширение русских границ до полуострова Малакки включительно, ищет везде сепаратизм, значит «Северное Сияние» будет проповедовать самый возвышенный гуманизм, указывать на опасность «расплыться» и громить централизацию. Работа выходила очень интересная, и Симон Денисыч любил начать передовицу хлесткой фразой: «Европейские события подтвердили наше предположение, сделанное в номере таком-то…»

Вообще, старики с каждым днем утверждались в убеждении, что настоящее их призвание литература и что раньше они предавались разным посторонним занятиям только по ошибке. Покатилов доверял им безусловно и в летние глухие месяцы почти не вмешивался в дело, за исключением каких-нибудь особенных случаев. Газетная машина была заведена, пущена в ход и оставалось только подбрасывать дров.

Кончив свои занятия по редакции, старики любили отдохнуть где-нибудь в ресторане Летнего сада или ездили на острова. Мостовы нанимали дачу в Парголове, и Симон Денисыч таскал туда капитана, хотя капитан недолюбливал Калерию Ипполитовну и ездил только затем, чтобы не обидеть друга. Чаще же всего газетные старички отправлялись на Моховую в номера Баранцева — вернее сказать, ноги несли их как-то само собой по одному направлению. Дорогой они останавливались перед строившимися домами, расспрашивали подрядчиков, толкались между рабочими. Эта рабочая суета интересовала их, особенно Симона Денисыча, в котором сказывался старый инженер. Около ремонтировавшихся домов везде были поставлены деревянные заборы, по мостовой с грохотом катились телеги с кирпичом, бутовым камнем и песком; зеркальные стекла всегда были замазаны мелом и выглядели издали, точно покрытые бельмом глаза. В солнечные дни на улице стояла страшная духота, а в воздухе носились облака едкой и кислой петербургской пыли. Раскаленная мостовая походила на под только что истомленной печи. По тротуарам везде торопливо шли кучки каменщиков, плотников и просто черноделов — настоящая публика вся отхлынула на дачи.

По каналам бесконечными вереницами двигались барки, нагруженные разными строительными материалами, и капитан любил подолгу

стоять где-нибудь на Симеониевском мосту и наблюдать загроможденную барками, плотами и лодками Фонтанку. При этом капитан считал своим долгом заметить, что Петр Великий был гениальный человек.

— Он, вероятно, провел бы поперечные каналы, если бы не умер так рано, — глубокомысленно размышлял капитан.

Иногда старики нарочно делали крюк по Литейной, чтобы после уличной пыли и духоты отдохнуть в прохладном и чистеньком номере Бэтси с полным комфортом цивилизованных людей. Симон Денисыч приносил с собой кипу иностранных газет с отмеченными местами для перевода, и это преимущество немного обижало капитана.

— Вы уж нас не гоните, Лизавета Ивановна, — говорил капитан, обладавший большим даром красноречия и находчивости.

— Нет, я всегда вам рада, господа… — уверяла Бэтси со своей обычной простотой.

— По работе мы товарищи, но женщина прежде всего… — галантно продолжал капитан. — Да, нужно уметь уважать женщину. Если бы у меня был сын, я сказал бы ему только одно: уважай женщину, а остальное все придет само собой.

В номере Бэтси было так прохладно, на окнах стояли левкои и резеда, наконец никто не умел так варить кофе, как Бэтси. Раз, когда все трое сидели за кофе, в передней показалась высокая фигура oncl'я. Капитан и Симон Денисыч переглянулись.

— Вас, m-me Кэй, вероятно, удивит мой визит, — заговорил oncle с утонченной вежливостью старомодных дамских любезников. — Но меня к вам привело одно очень важное обстоятельство…

— Я очень рада… — говорила смущенная Бэтси, усаживая гостя на диван. — Вы знакомы, господа?..

— Как же, помилуйте… — отозвались старики зараз.

— Ах, это вы, господа… — удивился oncle, пожимая руки. — Simon, я непременно пожалуюсь на тебя Калерии…

Ввиду заявленного oncl'ем очень важного обстоятельства старики торопливо допили свои чашки и ушли. Oncle внимательно осмотрел комнату Бэтси, выпил две чашки кофе и немного сбивчиво объяснил внимательно слушавшей его хозяйке, что он приехал к ней приглашать ее переехать в Павловск на его дачу.

— Вы будете у нас полной хозяйкой, а мы все вашими покорными рабами, — объяснял oncle. — Однако, как жарко сегодня…

— Извините, я вас не понимаю… — заметила Бэтси.

— Да видите ли, madame, тут есть один довольно щекотливый вопрос… — замялся oncle, потирая себе переносицу. — Одним словом, вы достаточно посвящены в интимные отношения нашей семьи — я говорю о Julie, а потом вам хорошо известно и общественное положение Сусанны. В настоящий момент Julie живет у меня в Павловске, но она

еще такая молодая девушка, что ей необходима руководящая серьезная рука, и я решился обратиться к вам.

— Что же вы хотите собственно от меня?

Oncl'ю ничего не оставалось, как только объяснить Бэтси все начистоту, что он и сделал со своей обычной откровенностью, выложив все свои сомнения и муки относительно внучки.

— Я ничего не требую от вас, кроме вашего общества, — закончил oncle свое объяснение. — Julie будет очень полезно, если вы ее будете сопровождать в концерты, на гуляниях, вообще везде, где мне почему-нибудь или неудобно быть, или невозможно. Знаете, мужчине трудно справиться с такой мудреной задачей, да мне и не угоняться за Julie. Говоря вполне откровенно, я больше всего боюсь влияния не девочку Сусанны. А теперь лето, занятий у вас немного, и вы отлично отдохнули бы у нас.

Был момент, когда Бэтси была готова дать свое полное согласие, но она вовремя вспомнила про Романа и с решительным видом проговорила:

— Нет, я не могу согласиться на ваше предложение, хотя и люблю Juile…

— Почему так?

— Есть одно обстоятельство: ведь с вами живет вместе Роман Ипполитыч?

— Ах да… извините, ради бога, я и забыл. Да, черт возьми, как это я мог забыть? Гм… Итак, решительный отказ?

— Да.

— Нет, это невозможно! Вы только войдите в мое положение… что я буду делать?.. Я решительно чувствую, что за эти две недели похудел, еще немного и я протяну ноги… Пожалуйте: аппетит потерял, не сплю по ночам, начинаю бредить наяву. А между тем Julie относится к вам с большим уважением… Конечно, у нее есть мать и бабушка, но, знаете, свои как-то надоедают, а посторонний беспристрастный человек имеет в таких случаях гораздо больше влияния. Это мое убеждение, и не уйду от вас, пока не получу вашего согласия.

Бэтси отрицательно покачала головой и печально улыбнулась. Но oncle был не такой человек, чтобы от него было легко отвязаться, — он принялся умолять Бэтси, целовал у нее руки и даже хотел стать на колени.

— Я наконец выгоню Романа, если хотите, — предложил он, — одним словом, все зависит от вас.

Эти настойчивые просьбы еще раз поколебали непреклонную решимость Бэтси, и она согласилась «подумать».

— На днях я опять заеду к вам, — говорил oncle, беря шляпу. — Кстати, как у вас хорошо здесь: настоящая келья… Лучше уж я завтра

же заеду к вам. Ради бога, ничего теперь не говорите, а то вы меня погубите одним вашим словом…

«Какой странный человек… — думала Бэтси, когда oncle наконец удалился, и прибавила: — Должно быть он очень добр — у него такая славная физиономия, когда он смеется. Но я не могу ехать в Павловск… нет, нет и нет!»

Бэтси долго не могла успокоиться и несколько раз принималась перебирать в уме все условия за и против предложения «славного» oncl'я. Помимо всех других соображений, ей невозможно было оставить Петербурга уже по одному тому, что куда будут ходить пить кофе капитан и Симон Денисыч…

VII

Нилушка Чвоков и Богомолов были завалены работой по горло, потому что подготовляли имевший состояться осенью «великий собор русских заводчиков», как окрестил Покатилов «съезд соревнователей». Необходимо было потратить массу труда, энергии и величайшей изворотливости на это трудное и неблагодарное дело… Иногда, окончательно выбившись из сил, оба друга приезжали отдохнуть душой в Павловск.

— Нет, это черт знает что такое! .. — говорил каждый раз Нилушка, загоняя Покатилова куда-нибудь в угол. — Это… это… Ох, солоны мне эти сироты заводские!.. Представь себе целый угол нищих… да изволь с ними поговорить о их же собственной пользе. А тут нужно создать целую партию, чтобы представить собой отпор иностранным железным заводчикам и капиталистам. Это мы-то, нищие-то, будем бороться с этакой силищей… Понимаешь ты, Роман, что значит создать партию из этих микроцефалов?.. Их всех-то будет около тридцати голов, ну, а настоящих стоющих людей наберется человек десять, так вот из этого десятка и изволь выкраивать партию лоб ко лбу, когда они упираются, как коровы перед новыми воротами… Главное, всякий сам по себе, не хочу другому показаться, а обоим вместе красная цена 15 к., да еще 10 к. сдачи надо получить. Ну, тащишь-тащишь их в одно место, а они все в разные стороны расползлись, как живые раки с тарелки. И смех, и горе… Если бы не Богомолов, да я бы давно плюнул на них.

— А что Богомолов?

— Ох, не говори… Вот человек, ну и человек только!.. Как вода, везде пройдет и пролезет… С самими-то заводчиками нам не приходится дела иметь, потому что все не «специалисты», ну, и подставляют вместо себя таких специалистов, что только руками разведешь: какие-то жиды, выгнанные со службы военные писари, восточные человеки, братья-поляки… Господи, вот положение-то!.. И ведь все это уполномоченные, поверенные, главные управляющие, юрисконсульты… Смот-

ришь-смотришь на них, да только спросишь себя: откуда таких «специалистов» набрали? Ведь взять хоть того же Симона Денисыча — плох он, во всех отношениях плох, да по крайней мере по-человечески говорить может и носового платка не украдет во время беседы. А уже про Доганского и говорить нечего: это адамант, клад — все, что угодно, и мы на него надеемся, как на каменную гору, хоть собственно говоря и он ни бельмеса не смыслит в деле да еще ленив, как пес. Ну, вот Богомолов и ведет переговоры с этими специалистами, а я, грешный человек, не могу: с души воротит…

Богомолов не жаловался и не роптал, а только посмеивался, как человек, видавший и не такие виды.

— Для кого мы хлопочем? — патетически восклицал Нилушка, обращаясь к потолку.

— Как для кого? — смеялся Покатилов. — Для себя, конечно…

— Ну, пошел острить, редактор… Нет, я к тому говорю, что было бы можно сделать, если бы настоящие люди были у нас под рукой, как вот эти переделочные заводчики, например. Такой концерт устроили бы, что чертям тошно…

— Ничего, и так все отлично сойдется, — успокаивал Богомолов, кажется, никогда не терявший душевного равновесия.

— Да, хорошо тебе так говорить, когда у тебя медная проволока вместо нервов, — ворчал Нилушка. — Ведь это с ума сойти можно по меньшей мере…

Покатилов должен был принять участие в подготовлении «великого собора» и обещал ряд статей, согласно указаниям Нилушки, а пока у них происходили домашние совещания, в которых очень деятельное участие принимал и Доганский. Это на техническом языке означало «спеться», и Покатилов такие советы называл «спевками». Нового собственно ничего сказать никто не мог, а перетряхали только давно всем известное старье. Доганский против всякого ожидания обнаружил большую энергию и принялся за работу с каким-то лихорадочным жаром, так что удивил всех союзников.

— Чего-нибудь лукавит, — сомневался Нилушка, — тонкая бестия, продаст и выкупит на десяти словах. С ним нужно держать ухо востро… А ведь умница, если разобрать.

Богомолов не высказывал своего мнения, хотя видимо подготовлял какой-то сюрприз потихоньку от других. Покатилов никогда не верил этому человеку, но уважал его, как грубую мужицкую силу; в петербургских дельцах не было богомоловской деятельности. Богомолов шел напролом и каждый новый шаг делал твердо. Нилушка, конечно, понимал все лучше и тоньше, предвидел те комбинации, в которые будут укладываться события, наконец подавлял своей эрудицией и красноречием, но выполнять его творческие построения мог

только Богомолов. Эти два человека сливались в одно лицо, работавшее за десятерых. Покатилов любил наблюдать их, когда они бывали вместе, — он их понимал насквозь, каждый их шаг, тогда как Доганский для него являлся загадкой. Иногда Покатилову казалось, что этот Доганский самый обыкновенный проходимец из темненьких, вылезший в большие люди только благодаря своей изворотливости и умению подладиться, но с другой стороны, этот же Доганский всегда как-то оставался сам по себе и, пожалуй, держал себя умнее всех других — именно, в нем была эта дьявольская выдержка характера, известный острый закал мозга.

Богомолов и Нилушка казались иногда пред Доганским какими-то школьниками, когда, серьезно принимаясь за дело, не имевши ни знаний, ни специальной подготовки, он умел сразу схватить суть всякого дела и говорил тоном знатока о совершенно посторонних предметах. Он нахватал всего понемногу и, благодаря этой энциклопедичности, был своим человеком в кругу самых завзятых специалистов. Но всего лучше Доганский был в сношениях с живыми людьми, особенно, когда эти люди были ему нужны: в нем была какая-то иезуитская способность завладевать человеком, опутывая его тысячью невидимых нитей. В своих происках и интригах у разных нужных людей Богомолов сравнительно с Доганским был просто жалок, как жалка деревенская кляча рядом с кровным скакуном, но Доганский умел скрывать свое превосходство, и тот же Богомолов, возненавидевший бы Доганского за его преимущества, потому что не выносил людей умнее себя, теперь считал Доганского запанибрата, как добродушного и даже глуповатого жуира. Действительно, Доганский был жуир, жуир до мозга костей, и в то же время это был крупный игрок, умевший поставить все на карту, чего Богомолов и подобные ему уже никогда не могли сделать, потому что выколачивали из жизни свою долю медной монетой. Вот этот риск и широкий размах придавали Доганскому особенный вес в исключительном мирке столичных дельцов, где он был своим человеком, — самые ошибки и слабости этого человека носили на себе отпечаток сильной и энергичной натуры, купавшейся в этом маленьком мирке маленьких людишек с улыбкой сожаления на губах.

«Спевки» происходили обыкновенно на даче Доганских; Теплоухов иногда присутствовал на них, а большею частью молчал где-нибудь в соседней комнате. Сусанна избавилась от его общества уже тем, что постоянно приглашала к себе Юленьку, особенно когда оставалась одна, с глазу на глаз с «бельмом».

Далее следует фрагмент VII главы: «Юленька бывала у Сусанны охотно…» *до слов:* «…во многом понимать ее», *использованный писателем для начала главы V опубликованного текста (стр. 182).*

С. 182. После слов: «не мог во многом понимать ее» —

«— Твой Чарльз просто мальчишка, которого следует выдрать за уши, — говорила, например, Юленька самым спокойным тоном. — Да и притом я не выношу этих белых: брови белые, ресницы белые — одним словом, очень хорош.

— Ах, ты не понимаешь… ничего не понимаешь, — шептала Сусанна счастливым шепотом.

— Очень даже понимаю, что ты хочешь быть непременно бабой и совсем раскисла… Вот уж это так картина — мое почтение! Как тебе не совестно, Сусанна? Мне по крайней мере ужасно бывает стыдно за тебя, когда этот Чарльз торчит здесь, — ты так и смотришь собачкой ему в глаза, ухаживаешь за ним, а этот белобрысый мальчишка еще ломается…

— Да, все это со стороны только смешно, а ты посмотрела бы мужчин, когда они изволят расслабеть… тьфу! Гадко даже вспоминать… Вот погоди, посмотришь сама. И чем умнее человек в нормальном своем состоянии, тем он делается глупее, когда влюбится в тебя. Да недалеко ходить, взять хоть бы того же твоего любезного дядюшку Романа Ипполитыча: ведь не глупый человек, а какие представления давал. Да и все они такие.

— Я — дурнушка, и меня не будут любить, — задумчиво говорила Юленька.

— Будут, будут… — уверяла Сусанна. — Для этого даже и красоты не нужно, а только уметь дурачить их… да. Посмотри на этих рыжих француженок, ну, что в них, если разобрать — места живого нет, еще при этом глупы, как кошки, а на них разоряются. В тебе есть именно то, что нравится всем мужчинам: есть шик…

— Скажи, пожалуйста, Сусанна, тебя все мужчины любят… ну, вот те, которые бывают у тебя: Теплоухов, Роман, oncle, Богомолов, Нилушка.

Сусанна задумалась на мгновение и потом утвердительно кивнула головой, а Юленька заметила, точно говорила о ком-нибудь постороннем:

— Счастливая женщина…

— Очень счастливая… ха-ха!.. Ты с ума сошла, Julie? Очень мне интересно смотреть на этих дураков, т.е. они дураками всегда являются ко мне. Есть один такой момент, когда бывает приятно заинтриговать нового человека, а потом начинается такая тоска: все то же и по тому же, и глупости у всех одни, точно все мужчины на свете сговорились. А мы опять дурами бабами делаемся, и тоже, вероятно, все, как одна… Право, это смешно выходит, Julie! И ты будешь такой же бабой!

— Нет уж, чем угодно буду, только по-вашему не раскисну…

Впрочем, такие специально «бабьи» разговоры происходили очень редко, потому что Юленька терпеть их не могла и слушала болтовню Сусанны только из чисто женской вежливости, не желая ее обижать напрасно. Эта девушка больше интересовалась серьезными вещами и между прочим той суетой, какую приводили с собой Нилушка и Богомолов.

— О, это все умные глупости… — смеялась Сусанна. — Сделают глупо-серьезные лица, напустят на себя важность, надуются и думают, что делают великие дела, а между тем все и дело в том, что одни умные люди обманывают других.

Юленьке нравилось, когда Сусанна начинала говорить серьезно — она действительно понимала суть творившихся около нее замыслов и с ловкостью записного дельца посвящала в них Юленьку, которая слушала ее всегда с самым завидным вниманием.

— Упрекают обыкновенно женщин в глупости, — говорила Сусанна несколько раз по поводу специально «горных» дел, — а по-моему, все разница между женщинами и мужчинами только в том, что мы делаем маленькие глупости, а мужчины делают большие.

— Это недурно сказано, — соглашалась Юленька.

— А если тебя так интересуют все эти дела собственно наших мужчин, так ты обратись к Юрию — он объяснит тебе все, как никто другой. Кстати, Юрий очень неравнодушен к тебе, и Теплоухов тоже, с чем и поздравляю… По крайней мере меня избавишь от лишней обузы.

— Благодарю за внимание.

— Серьезно говорю… Ты молода, а я уже устала: мне до себя.

Раз, когда они болтали таким образом о разных пустяках, Юленька посмотрела на Сусанну как-то в упор и спросила:

— Скажи, пожалуйста, Сусанна, вот что: что у вас такое вышло с maman?

Этот вопрос заставил Сусанну немного смутиться, но она быстро оправилась и ответила совершенно спокойно:

— Собственно говоря, между нами ничего не произошло, голубчик, а так… путаница какая-то. Ты помнишь, как я жила у вас воспитанницей из бедных дворяночек?.. Ничего хуже не может быть положения ребенка, особенно девочки, поставленного в такое нелепое положение. Кругом все так богаты, сыты и довольны, все живут полной жизнью, а ты одна должна только смотреть на других и облизываться. Но самое худшее в том, что ты в доме всем чужая, все смотрят на тебя с таким особенным снисхождением, и ты чувствуешь это в тысяче тех ежедневных мелочей, какие слишком рано понимают несчастные дети, принужденные жить на хлебах из милости. Я где-то читала, что человек в состоянии перенести самую ужасную боль и сходит с ума от тысячи булавочных уколов, если они повторяются изо дня в день с правильно-

стью заведенных часов. Ведь на этом принципе были основаны святой инквизицией самые ужасные пытки… Согласись, что может быть ужаснее, когда пытают таким образом не тело, а душу, да еще душу ребенка?.. Является преждевременная озлобленность, совершенно особенная тонкость понимания, вырабатывается способность затаивать в себе каждое душевное движение и выжидать удобного случая, чтобы разом отомстить за все. Твоя maman взяла меня из простой прихоти богатой женщины, которой было решительно нечего делать, как берут на воспитание выброшенных на улицу щенков. Вот тебе и вся история.

— Решительно вся?

— Да, решительно вся, если хочешь, т.е. сколько тебе нужно знать для того, чтобы понять наши отношения с maman.

Договаривать Сусанна почему-то не желала, хотя и понимала, что Юленька о многом догадывается, т.е. об отношениях Доганского с Калерией Ипполитовной. По логике Сусанны, каждая девушка могла знать все, но только не говорить об этом другим, а тем более другие не должны были разъяснять ей это все. Но Юленьку не столько интересовали отношения Сусанны к мужу или к Чарльзу, как те таинственные визитеры…».

Последнее предложение в переработанном виде включено автором в V главу опубликованного текста (стр. 182).

С. 173. После слов: «…с комическим лаконизмом» –

«– Что вы теперь делаете?

– Ем.

– Что больше тебе нравится в Петербурге?

– Лихо выспаться.

– Кого из родственников больше всего любишь?

– Oncl'я, потому что он самое безвредное животное…»

С. 179. После слов: «Да ты какая-то деревянная, Julie?» – «сердилась Сусанна».

С. 180. Во фразе «Oncle почесал затылок» *после слова* «Oncle» *опущено:* «по-мужски».

С. 183. После слов: «толкают друг друга локтями» —

«Но всего больше на этих концертах Юленьку интересовали появлявшиеся здесь ces dames, которым настоящие дамы могли только завидовать, потому что у этих нелегальных женщин было все — и богатство, и красота, и толпа поклонников, и даже известное влияние. Были в этой исключительной среде представительницы всевозможных национальностей: француженки, немки, англичанки и т.д. Юленьку особен-

но интересовали две особы: длинная и вытянутая англичанка с поблекшим лицом и вялыми разбитыми движениями и маленькая русая девушка с бойким взглядом и вздернутым носом. Обе были положительно некрасивы, но между тем они пользовались успехом и громкой популярностью. За разъяснением Юленька обратилась к Роману, который и объяснил:

— Эта высокая — петербуженка Кора Пирем, слыхала? Ну, а маленькая известна под именем «Сверчка».

— Значит, это та самая, из-за которой в прошлом году застрелился какой-то гусар?

— Та самая…

— Удивительно!..

— Для такого ребеночка, как ты…

— Не знаю, кто еще из нас ребеночек, Роман Ипполитыч».

С. 184. Словами «Успокоившись относительно Julie…» *в рукописи начиналась VIII глава.*

После слов: «серая кобыла Шутка» —

«— Чувствую, что провалит она меня, а не могу — люблю, — говорил oncle, похлопывая лошадь по тонкой шее.

— Круп у Шутки некрасивый, — подзадоривала старика Юленька, — и на задние бабки она начинает садиться.

— Это пустяки! А ты посмотри, какое у нее колено низкое, а бабки высокие — настоящая кровь… да!..

— Плечи жидкие…

— Ну, уж извини, плечи у Шутки безукоризненны. Это первое дело, чтобы был настоящий мах… А головка: сухая, точно выточенная.

— Как у щуки.

Старик берейтор выезжал Шутку иногда в парке. Лошадь подавала надежды. Oncl'ю очень хотелось взять настоящего английского тренера, чтобы дать лошади полную школу, но это превышало его средства, и приходилось ограничиваться обыкновенным берейтором. Когда-то во дни юности oncle сам вел скачки, а теперь нанимал жокея».

С. 185. После слов: «со всех сторон» —

«Скаковая публика действительно представляла из себя самую настоящую смесь. Около тотализатора толпился уже просто различный сбор, притащивший сюда последние гроши. Собственно публика размещалась в галереях и в ложах. Много было женщин, мелькали военные фуражки, но все это исчезало среди целого моря шляп. Рассматривая в бинокль эту пеструю толпу, Покатилов только пожал плечами — все это было так знакомо и давно намозолило глаз в разных Аркадиях и

Ливадиях. Крупная столичная публика разъехалась на лето то за границу, то в свои имения или на юг, а остававшиеся подонки околачивались везде, где только представлялся случай потолкаться. Прежних скачек, когда-то собиравших цвет публики, и след простыл — теперь являлась жалкая пародия с специфическим уличным букетом. Все эти прилично одетые мужчины и дамы походили на фальшивую монету. Исключением служили две-три ложи да хозяева скакавших лошадей».

С. 186. После слов: «…старался подавить в себе» –

«– Покажите нам костюм… – просила Сусанна.

– Господа, Вы меня хотите погубить! – вступился oncle. – Чарльз взволнуется, а для наездника потеря душевного равновесия – это смерть… Не так ли, Роман?»

С. 187. После слов: «не оставляя бинокль» —

«— А где Шутка?..

— Она в третьем заезде.

Раздался звонок. Скакуны сбились в неправильную шеренгу и ждали сигнала флагом. Публика замерла в ожидании. Потом пестрая кучка жокеев бросилась вперед. Лошади вытянулись. Скорчившиеся в седле английские жокеи походили на обезьян. Скакавший в этой пестрой толпе казачий офицер держался прямо, и только ровно поднимались его голова и плечи при мерных взмахах своей гнедой лошади. Скоро лошади вытянулись в одну линию, а две совсем отстали. Впереди скакал жокей, а за ним казачий офицер, все прибавлявший ходу. Когда показались головы лошадей на повороте, все как-то смешалось. Послышались крики: «Браво, Норт!..», «Нет, Семенов обходит твоего Норта!» Сусанна и Юленька невольно заразились общим азартом и не спускали глаз с приближавшихся наездников. Кто обскачет: Норт или Семенов? Но заезд был на два круга, и вся кавалькада пронеслась мимо. Семенов был только на пол-корпуса от Норта, и его лошадь так легко работала своими тонкими ногами. Второй круг прошел значительно быстрее. Скакали теперь только трое, а остальные плелись позади. Семенов на половине круга наконец обошел Норта, но в этот момент из отставшей кучки выделилась темная лошадь и быстро начала «наддавать». «Вейс! Вейс… браво, Вейс!!..» — заревела толпа. Казачий офицер наклонился всем корпусом вперед и несколько раз ударил нагайкой лошадь, но Вейс был у него уже на хвосте и, пригнувшись к самой шее лошади, отчаянно хлестал ее арапником. «Вейс!.. Вейс!.. ура, Вейс!..», — орали голоса. Вейс пришел первым, за ним Норт, а Семенов третьим.

— Чистые дьяволы эти жокеи!.. — вслух проговорил в соседней ложе какой-то бородатый купец.

— Глупо… — про себя пробормотал Покатилов.

Сусанна обернулась к нему и улыбнулась счастливой улыбкой — она была счастлива захватившим ее волнением и не расслышала его замечания. Во втором заезде скакал Зост на своей лошади, как значилось на афише, и Сусанна ждала с замирающим сердцем этого момента. Его уже знали здесь, и имя Зост повторялось в ложах, где читали афишу скачек. Юленька сбоку наблюдала Сусанну и чуть заметно улыбнулась. Потом они встретились глазами, и Сусанна тихо пожала юленькину руку.

Заиграла музыка. Вейс шагом подъезжал к трибуне и вежливо раскланивался с аплодировавшей ему публикой. Его красная куртка с зелеными рукавами и красная шапочка совсем не шли к худому смуглому лицу с тонким носом».

После слов: «…и вдали послышался» – «удалявшийся топот, точно билось ее сердце все тише и тише.

— Ричард повел скачки, — объясняла Юленька, наблюдая в бинокль скакавших. — У него оранжевая куртка с синим шарфом и рыжая лошадь. Чарльз идет четвертым… нет, третьим».

После слов: «…голубую шапочку» — «и раздвинутые ноги Чарльза, и длинное лицо жокея Ричарда с оскаленными зубами. Когда они поравнялись, кто-то крикнул: «Молодец, Зост!». Потом этот крик повторился, когда на втором круге Чарльз одного за другим начал обходить наездников, а на последнем повороте выровнялся с Ричардом и пришел к столбу первым на целых полкруга».

После слов: «…дамы лорнировали победителя.» — «На скачках у Зоста составилась уже известная репутация; на него играли на тотализаторе, особенно женщины. Вообще он быстро делался любимцем публики».

С. 188. После слов: «Шутка «закинулась» — «т.е. заупрямилась и даже встала на дыбы».

После слов: «…сделал шаг к ней» — «Она стояла такая беззащитная и прекрасная… еще шаг, и она будет его».

С. 189. В рукописи следующее начало IX главы (в опубликованном тексте — глава VI):

«Съезд соревнователей» собрался в средине августа, в тот промежуточный момент, когда осенний бойкий сезон еще не начался, и публика переезжает с дач. Для заседаний этого «Съезда» Теплоухов предло-

жил свой дом, потому что он сам еще оставался на даче, и дом стоял совсем пустой. Среди других домов на Сергиевской, выстроенных интендантскими чиновниками после Крымской кампании, теплоуховский дом резко выделялся своим мрачным видом, железными воротами и железными решетками на окнах нижнего этажа. Для заседаний съезда был отведен второй этаж, где тянулся целый ряд высоких неуютных комнат, убранных в том казенном тяжелом стиле, какой был в моде лет пятьдесят назад. Тяжелые бархатные драпировки на окнах и на дверях, тяжелая красного дерева мебель, неуклюжие вазы из сибирской яшмы по углам, какая-то тяжелая лепка арабесок на потолках, грубо наляпанная позолота, саженные зеркала – вообще, все в этом доме производило какое-то гнетущее впечатление. Кабинет хозяина походил на приемную какого-нибудь присутственного места и не доставало только зерцала, спальня могла быть чем угодно, только не спальней, лучше других комнат была библиотека, служившая первоначально столовой. В этой длинной комнате могло поместиться за столом свободно человек сто, и высокие шкафы красного дерева, набитые книгами, придавали ей совершенно особенный эффект, — эта библиотека и была выбрана для заседаний «великого собора».

С. 189. После слов: «дом стоял совсем пустой» —

«Богомолов и Чвоков должны были употребить нечеловеческие усилия, чтобы этот съезд не рассохся, и они до самой последней минуты не были уверены, что их затея не провалится. Собственно предполагалось открыть съезд в начале августа, но дело затормозилось, потому что ждали каких-то заводских уполномоченных с Урала. Наконец и эти уполномоченные явились, и съезд мог открыть свои занятия. В день открытия теплоуховская библиотека представляла собой очень пеструю картину: за длинным, накрытым зеленым сукном столом разместилось человек тридцать тех «специалистов», которые должны были представлять собой интересы всех русских горнозаводчиков. Тут были и старые, и молодые, и штатские, и в разных мундирах, и русские, и иностранцы — словом, всякого жита по ложке. Собственно по внутреннему составу этот собор распадался на две партии: старых крепостных служак и людей новой формации. Эти заводские старики были особенно типичны: были тут два старых горных инженера, прославившихся тем, что они драли насмерть крепостных рабочих, за что и были удалены с казенных горных заводов, но с «волей» заняли выдающиеся посты на частных заводах и представляли теперь собой выдающихся деятелей; после них выделялись человек пять так называемых «самородков», т.е. людей, выбившихся в темное крепостное время из простых заводских розсылок, набивших потом руку в заводской части и теперь являвшихся неисчерпаемым источником самородной заводской сметки. Эти старики являлись центром,

как умудренные многолетним опытом бойцы, хотя разнопестрая партия новых специалистов и относилась к ним свысока». — *Далее по тексту*: «Покатилов тоже был приглашен…»

После слов: «взятой ими на себя обязанности» —

«М. г., наш век не только век крови, но по преимуществу век железа. Прогресс дорогого для всякого из нас отечества находится в слишком ужасной связи и зависимости с развитием горного дела в широком смысле слова. Взгляните на западную Европу, на Америку — в начале нынешнего столетия общая сумма ежегодно добываемого в европейских государствах железа была меньше того, сколько добывала одна Россия. Теперь роли переменились, Россия покупает треть железа за границей, и наша прямая задача возвратить нашему отечеству первенствующую роль на всемирном железном рынке… У нас все средства под рукой… — земля, леса, воды, богатейшие в свете руды, но мы проигрываем оттого, что действуем вразброд, у нас нет той солидарности интересов, которые необходимы для всякого общего дела. Конечно, против нас выдвинуты европейские капиталы, они давят и будут давить нас на каждом шагу, но мы будем энергично бороться за свое дело, чтобы если не самим, то нашим потомкам можно было собрать обильную жатву. Вам, м. г., выпала завидная честь положить первый камень в великом деле…» и т.д. и т.д.

Это трогательное воззвание было встречено…» *и далее по тексту.*

После слов: «Богомолова и Доганского» — «Эта программа была выработана на павловских спевках.

Занятия съезда, разделившегося на комиссии, были довольно скучны, и Покатилов не имел терпения высиживать заседания до конца, да и не стоило, потому что все равно Нилушка придет в редакцию и расскажет в лучшем виде. Но Бегичев оставался и усердно чертил в своей книжечке, на что члены съезда сначала не обратили особенного внимания, а потом задумались серьезно.

– Черт его возьми, надо этого Бегичева подмазать… – говорил Чвоков в одну из своих решительных минут, – а то наврет того, что сам черт не разберет.

– Будет у вас обед в заключение, ну, какой еще подмазки? – удивлялся Покатилов. — Этак и я потребую смазки…

– Нет, все-таки… Дело серьезное. Знаешь турецкую пословицу: «Один враг может сделать больше зла, чем сто друзей добра». Ну его к черту, заткнет рот, и кончено!..

– Да ведь ты, т.е. вы с Богомоловым о себе больше думаете и съезд для своих собственных целей созвали? — смеялся Покатилов, любивший иногда подразнить Нилушку. — Бегали-бегали по Петербургу, все

пороги обили, так нет, мало показалось, давай на всю Россию прославимся… Ах вы, шуты гороховые!..

– Ну, уж ты, пожалуйста… — огрызался Нилушка. — Сам-то через кого в люди вылез… а?.. Посадить бы тебя в нашу кожу, тогда другое заговорил бы… Ты даже программы нашей не прочитал внимательно, а она составлена так, что любому министру впору. Да-с…»

С. 190. После слов: «намеренно сделать их незаметными» —

«Много напрасного времени и напрасных слов было потрачено на такие пустяки, как вопрос о соединении сетью железных дорог всех уральских горных заводов, затем о пенсионной кассе, о судоходстве по уральским рекам, о центральном горнозаводском бюро и специальных агентах за границей и т.д. Между прочим для известия собравшейся публики Радлов представил свой проект соединения железным путем истоков Печоры и Камы с бассейном Оби, в тех видах, чтобы уральское железо, минуя нижегородскую ярмарку, уральские заводчики прямо могли везти по Оби и Ледовитому океану прямо в Англию; мотивы этого прожекта заключались в том, чтобы избежать посредничества нижегородских капиталистов, а затем, чтобы обойти возможную конкуренцию южнорусских заводчиков, работающих на минеральном топливе. Центр теперь составленной программы вопросов заключался в трех вопросах: выработать новую систему раскладки земских налогов и представительства, повысить пошлины на привозные металлы и металлические изделия и ввести на всех заводах постепенный переход с древесного топлива на минеральное. Первые два вопроса прошли благополучно, единогласно было решено ходатайствовать пред правительством об изменении системы земского обложения, которое в настоящем его виде тормозит развитие заводского дела, и ходатайствовать о повышении пошлин на привозные металлы. Но относительно третьего вопроса произошел великий раскол: большинство, и во главе их Богомолов, стояли за приграничение казенных лесных дач к заводам, т.е. не желали переходить на минеральное топливо. Чвоков был против такого решения и ужасно был недоволен изменой Богомолова.

— Пожалуйте, да ведь это чистая подлость! — кричал Нилушка, бегая в кабинете Покатилова. — Вопрос о минеральном топливе — это condition qua non для всего горного дела, а если мы будем жечь леса по-прежнему — мат… Заводчикам не хочется пожертвовать несколько миллионов на этот переход и они губят все дело. Я брошу все, черт с ними, если своей собственной пользы не понимают: это просто свинство… да. Главное, Богомолов-то, хорош… а? А мне именно этот вопрос и дорог, потому что от него зависит и развитие всего горного дела, и сохранение лесов, надел мастеровых — словом, это самый коварный вопрос. Конечно, всем этим управителям и повелителям своя шкура

дорога: переход на минеральное топливо будет стоит денег, следовательно уменьшатся дивиденды заводчиков, конечно, только временно, но вот они этого-то и не желают… С другой стороны, выгораживая леса, они лишают заводское население земельных наделов, потому что если мастеровым землю отвести, то лесные заводские дачи сократятся наполовину… Да тут ежели разобраться, такая масса вопросов перепутана! Ну, что кажется проще: вот тебе дерево, растет это дерево себе на здоровье, а между тем сколько из-за него греха… Не хотят своей собственной пользы видеть, тогда будут клянчить правительственные субсидии. Ну, что, что вы с таким безголовым народом поделаете?

— Да ты-то из-за чего кипятишься?

— Я?.. Да ведь из-за чего-нибудь я хлопотал-то, есть же наконец и у меня хоть какая-нибудь совесть…

Коварство Богомолова этим еще не ограничилось — он еще преподнес съезду две очень любопытных штучки, которые всем пришлись как нельзя больше по душе. Во-первых, когда вопрос зашел о постоянных нарушениях горнозаводчиками своих контрактов, Богомолов предложил обязать их круговой порукой, а в случае уклонения артели применять некоторые специальные правила «О найме рабочих на сибирские золотые промыслы», т.е., говоря просто, ввести телесные наказания; во-вторых, Богомолов подал счастливую идею о горнозаводском банке. Члены съезда были в восторге и аплодировали Богомолову, а Нилушка был не менее торжественно посрамлен.

— А, когда так, то я вам покажу себя! — ругался Чвоков, махнув на съезд рукой. — Позвольте, господа, мы еще поиграем, и вопрос, кто выиграет…

— Что же ты будешь делать? — спрашивал Покатилов.

— Очень просто: брошу их и перейду в партию Зоста, т.е. иностранных заводчиков. Э, батенька, да тут дела по горло: будущность за нефтью, за каменным углем, за электричеством… Работы будет по горло. Я хлопотал для этих нищих пять лет — и вот результат!.. Теперь мы им покажем, где раки зимуют, благо и «Северное Сияние» под руками… Знаешь, это меня просто бог наказывает за мою подлость…»

После слов: «Я убью этого…» — «идиота… Нет, задушу, задушу!..»

С. 191. После слов: «что тогда?..» —

«Дорогой к парку Доганский спросил у двух дворников, не видели ли они даму с кавалером или одну даму, причем он описал наружность Юленьки, но дворники чесали в затылках, переминались и ничего не умели сказать. Расспрашивать этих болванов было, конечно, глупо, и Доганский помчался в парк, где, как всегда, было много искавших уединения парочек; он расспрашивал сторожей, всех встречных – и

все было напрасно. А время бежало, и каждая новая минута размывала последнюю тень надежды… Доганский вернулся домой после трехчасового рысканья разбитый и усталый, передал лошадь и сейчас же, не заходя к жене, отправился на вокзал, чтобы немедленно вернуться в Петербург».

С. 192. После слов: «о «случае» с Юленькой» – «Есть много таких добрых людей, у которых любопытство перевешивает собой все другие чувства, и Зинаида Тихоновна была не последней».

После слов: «…средней руки» — «и разные разночинцы».

С. 194. После слов: «…как осенью» — «Это именно та радость существования, которую испытывает вероятно каждый здоровый человек у постели умирающего».

С. 196. После слов: «…чтобы не вскрикнуть» — «Если бы ей дали прямо пощечину, она не почувствовала бы и сотой доли того, что теперь чувствовала как *женщина*».

После слов: «…светившимся взглядом» — «кошки, готовой броситься на добычу».

После слов: «И это говорите вы… вы…» — «Да, я *женщина* и как женщина имею право сейчас плюнуть вам в лицо… Сделавшись женщиной даже предосудительным путем, я, кажется, не много потеряла».

После слов: «еще не особенно завидно» —

«— Julie? Julie… — шептал Доганский, опуская голову.

— Уходите от меня, уходите…

— Julie… я гораздо шире смотрю на вещи и чисто физические ошибки не могу поставить в вину кому-нибудь, — продолжал Доганский. — Из всякого положения, даже самого скверного, есть выход, только не следует затягивать дела… не следует поддаваться инерции. Ты сделала шаг на ложную дорогу, которая тебя погубит… у тебя не такая натура… ты слишком умна для этой житейской грязи…

— Наконец-то мы договорились до настоящего дела: умна… — хохотала Юленька прежним нехорошим смехом. — Да, я действительно умна, потому что одной физической ошибкой развязываю тот роковой узел…»

С. 198. Первая глава IV части рукописи приводится в опубликованном тексте восьмой главой III части.

После слов: «…как это вам нравится?» – «Неожиданный choote с Юленькой послужил благодарной темой для самых назидательных размышлений в духе бодрой семейной нравственности».

С. 199. После слов: «кажется, ждать больше нечего» —

«К choote Юленьки Анна Григорьевна отнеслась со слишком откровенным старческим эгоизмом, точно она обрезала какую-то сухую ветку, что имела обыкновение делать каждое утро, когда обходила все свои цветы с маленькими ножницами в руках… Когда Доганский выходил от Анны Григорьевны, у него мелькнула в голове мысль, что иногда действительно хорошо умереть… да, взять да так вот вдруг и умереть, чтобы разом избавиться от всего, решительно от всего».

После слов: «…прежней самоуверенности» — «как у человека, который после тяжелой болезни в первый раз встал на ноги. А ведь он мог бы стряхнуть с себя точивших его маленьких людишек, вроде Богомолова, если бы… ну, если бы у него была под рукой такая женщина, как Julie».

С. 200. После слов: «…подобного рода» — «она позволяла себе только иметь дорогой педальный рояль, настоящую картину Маккарти, мраморный камин итальянской работы и только».

После слов: «…умела рядиться» — «причем, на манер парижского Wort'a, завела собственного портного, а не обращалась к модисткам».

После слов: «…как их называла хозяйка» —

«— Если вы хотите бывать у меня, то, пожалуйста, являйтесь без постных лиц, — наотрез объявила старичкам Юленька. – И потом, чтобы не было этих сплетен: я ничего не желаю знать про других, и чтобы про меня тоже посторонним меньше знать».

После слов: «…с изысканной вежливостью» — «Ma Julie любила все, что было отмечено печатью известности, и эти знаменитые столичного дня покорно собирались на ее четвергах. Был тут и знаменитый доктор, прославленный изобретением системы лечения щекотанием, особенно при нервных страданиях, и фокусник-антиспирит, и русский пейзажист, рисовавший небо зеленым, и жокей, взявший приз на последних скачках, и крошечный поэтик á la Ришпон, и несладкая певичка, щеголявшая своим мраморным телом, и даже модный проповедник какой-то туманной аристократической секты. Все эти люди, отмеченные перстом гения, выплывали на поверхность вечно колеблющейся волны симпатий и антипатий столичной улицы всего на одно мгнове-

ние, заставляли о себе говорить и потом благополучно исчезали в безднах полнейшей неизвестности, точно над ними опускалась вечная ночь. Но в глазах Julie было достаточно уже и такой известности, потому что она сама больше всего жаждала быть именно романтической во что бы то ни стало: пусть говорят о ней самой, о ее конюшне, о нарядах, о четвергах — все равно, только выделиться из остальной безличной массы, прозябавшей под ногами избранников, как сорная трава. В этих видах — получить известность, в четвергах Julie деятельное участие принимал летучий котлецовский корреспондент Бегичев и даже наш старый знакомец Брикабрак, задумавший сохранить за собой выдающийся пост редактора «Искорок», несмотря ни на какие пертурбации и геологические перевороты в литературном мире. Брикабрак освоился в сидениях Julie даже прочнее других, несмотря на то, что сам по себе был воплощенным ничтожеством.

— Хочется тебе, Julie, возиться с такой дрянью, — несколько раз говорил oncle про Брикабрака, — это самое ничтожное ничтожество…

— Вот для меня это-то и важно, что такое ничтожество сумело себе завоевать известное имя, – отвечала Julie с улыбкой. — Если умные и талантливые люди получают известность — это только в порядке вещей, а попробуй-ка решительно без всяких шансов на успех выдвинуться вперед… Значит есть что-то такое в этом Брикабраке?

— Да это апофеоз факта, Julie?..

— Что ж, успех всегда будет успехом… Ты, кажется, завидуешь Брикабраку?»

С. 201. После слов: «Вот это женщина» — «и ты пожалуйста не зевай, голубчик: получай свою долю от Сусанны… ха-ха!.. Ведь вы все одного поля ягоды: и Евстафий Петрович, и Юрий Петрович, и ты, и Роман, и эти старички, которые навещают Сусанну во время ее болезни».

После слов: «как в самой веселой компании» —

«Однажды, когда они оставались одни, Julie внимательно наблюдала его лицо и в каком-то раздумье говорила:

— Знаешь, petit papa (Julie никогда не называла Теплоухова с глазу на глаз по имени), ты походишь на многострадального Иова…

— Это как?

— Помилуй, да ты столько видел женщин на своем веку, а следовательно перенес столько лжи, обмана, фальшивых ласк, купленных дорогой ценой поцелуев, улыбок, ласковых взглядов — ведь это просто можно задохнуться в такой атмосфере…

— Да, ты права, Julie.

— И каждая твоя новая любовь начинала с уверения, что она и есть истинная любовь, а все предыдущие были только печальной ошибкой с твоей стороны?..

— Почти так…

— Бедный мой Иов! В этом случае растения и низшие животные справедливее венца творения… Но теперь ты можешь быть спокоен, потому что наконец отыскал такую женщину, которая тебя не обманывает и не обманет: я хочу этим маленьким достоинством пополнить недостатки в красоте. Ведь добродетель придумана некрасивыми женщинами… да?..

— Ты смеешься надо мной, Julie?

— О, нет.

Julie всегда дурачилась, как школьник, и доводила своими смелыми выходками Теплоухова до какого-то неистовства, когда он начинал ее душить в своих объятиях. Перебирая в своем уме длинный ряд своих любовных похождений, он не находил другой такой непонятной женщины, которая, и отдаваясь, оставалась какой-то недоступной, в ней вечно было что-то новое, завлекающее и притягивающее, как шалости и проказы ребенка. Теплоухов молодел, обнимая это свежее, полное еще нетронутых сил тело, точно в него переливалась струя жизни; он тоже начинал дурачиться, как клоун. В одну из таких минут, когда Теплоухов держал в своих объятиях полураздетую Julie, она протянула свою голую руку и спросила:

— Скажи, petit papa, у Сусанны разве лучше моих руки?

— Конечно, нет…

Julie обиделась этим ответом. «Конечно» — это он говорил всем своим любовницам.

— Ты уж лучше сказал бы, что у меня руки хороши, как у Милосской Венеры…

— Да ведь она без рук?

— Ах, боже мой, неужели тебе необходимо объяснять каждую остроту, которую я придумываю специально для тебя? Знай, что я тебя постоянно ревную к Сусанне, которая вечно стоит надо мной с своими кошачьими глазами… Пожалуйста, не делай глупого лица, а то я тебя выгоню вон!»

С. 202. После слов: «…в цирке» – «и следила за кружившимися по арене лошадями высшей школы, она вдруг почувствовала присутствие Сусанны – да, она должна была быть здесь. Oncle обвел биноклем ложи и действительно нашел Сусанну в одной ложе, она…»

После слов: «…перестал удивляться» — «La dame veut – Dieu le veut…»

После слов: «…на руках» —

«— И я то же думаю, — вставлял нерешительно oncle свое родительское слово».

После слов: «…как тень» — «Инну и Julie соединяли теперь не только условия их общественного положения, но и воспоминания детства и юности, проведенной под кровом Зинаиды Тихоновны…»

После слов: «…необыкновенно хорошо» — «Часто Инна жила в квартире Julie по неделям, и тогда мужчины изгонялись».

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С. 203. После слов: «новостей и новостей» — «После Берлинского конгресса уличное внимание было на время поглощено спиритическими сеансами и гипнотизмом, потом рядом интендантских процессов, новой дивой итальянской оперы, социализмом, речью Скобелева в Париже и не прерывавшимся потоком скандалов по всех отраслях человеческой деятельности».

После слов: «фразами своих сотрудников» — «трактовавших с завидным апломбом и о политике Бисмарка, и о джутовых мешках, и о войне англичан с зулусами, и о необходимости воспитывать в женщинах прежде всего женственность».

После слов: «составляла известный капитал» —

«— Цель жизни в процессе самой борьбы, — говорил Покатилов своему неизменному другу Нилушке, который теперь особенно часто бывал в покатиловской квартире, хотя прямого участия в газете и не принимал. — А добился своего, и конец. Начинается скука. Я понимаю, почему англичане вешаются. И понятен…

Нилушка, выслушивая все эти confession's, обыкновенно закусывал свою седую бороду и даже начинал как-то забавно кряхтеть, точно утка.

— Да перестань ты ныть-то, ради бога!.. — обрывал он иногда Покатилова. — Не подобает сие мужескому полу. Особенно когда все дело из-за какой-нибудь бабенки. Удивляюсь. Ну, не вытанцевалось — и уйди, свет не клином сошелся. Этого добра на наш век хватит. У тебя эти шекспировские чувства совсем не ко времени, потому что самое мелкое наше житьишко, а тут этакое геройство, черт возьми, напустит человек на себя.

— Ничего ты не понимаешь, Кузьмич…

Нилушка окончательно перешел на сторону фритредеров, забросил всякие ученые общества и писал протяженные передовицы для котлецовского «Прогресса». Его положение выходило самое комическое, потому что приходилось разрушать то самое здание, которое он еще так недавно возводил своими руками с такими героическими усилиями. Утешением служило то, что не один Нилушка переживал такую метаморфозу: ренегаты и перебежчики явились везде и задыхались от усердия.

— Теперь русские заводчики готовятся к московской выставке, ну мы им и покажем коку с соком, — говорил Нилушка. — Время дорого… Доганский не сегодня-завтра должен будет расстаться с Теплоуховым, и тогда он наш. Это, братику, золото, а не человек, особенно если поприжмут его. Все нам на руку.

— А ну вас к черту, — отвечал Покатилов, не слушая Нилушкиных разглагольствований. — Один черт… И я удивляюсь, что тебе за охота возиться с этими господами.

— Нельзя, батенька, прежде всего важен принцип.

— У тебя? Принцип?.. Перестань, голубчик, жалкие слова говорить, ибо никого не удивишь».

После слов: «старая Улитушка» — «Да и к чему было хлопотать? Одно время Покатилов интересовался знакомствами с хорошими домами, о которых знал раньше только понаслышке. Да, было время, когда он завидовал катившимся по улице на резиновых шинах коляскам и каретам, заглядывался на сидевших в этих экипажах дам, и ему казалось, что это какой-то особенный мир, полный таинственной прелести. В Петербурге так много великолепных домов с зеркальными окнами, с роскошными подъездами и швейцарами-министрами, и Покатилов всегда представлял себе что-то особенное, необыкновенное, что пряталось за тяжелыми дверями этих подъездов и что его тянуло к себе. Там другие люди, другая жизнь, и воображение рисовало самые заманчивые картины, но непосредственное знакомство с этим исключительным мирком разрушало последние иллюзии — там было то же, что было везде, с прибавкой давящей светской скуки. Состоя хроникером при «Искорках», Покатилов любил по вечерам, возвращаясь откуда-нибудь на Моховую, в номера Баранцева, останавливаться пред освещенными окнами таких домов и наблюдать колебавшиеся на стекле мутные тени — там среди экзотической зелени, богатой мебели, картин, мраморов, редких тканей и всякого великолепия скрывались сказочные феи, там разыгрывались чудные музыкальные мелодии и широкой волной катилась совсем особенная жизнь.

Теперь он был там, видел все это, и последняя иллюзия была разбита — среди условных приличий, фамильных преданий и тяжелой мелочности всей этой обстановки жилось хуже, чем на улице. Покати-

лов познакомился и с сказочными феями, в двух домах фигурировал даже в качестве выгодной партии, ему нравились эти выдержанные строго приличные девушки быстро вырождавшихся семей, но это было чужое и такое скучное. В конце концов улица слишком крепко держала его. Приходилось иметь дело с теми же сотрудниками, барахтаться среди обыденных мелочей своей обстановки и вообще плыть по течению».

С. 203. После слов: «Кругом окрутила парня» — «а настоящего удовольствие от нее никакого нет — и отказу нет, и удовольствия нет».

С. 204. После слов: «в полном расцвете красоты» — «То, что раньше бросалось в глаза некоторой резкостью, теперь сгладилось, уступив место чисто женской мягкости линий и красок. В каждой складке платья, в каждом движении чувствовалась пластичная красота движущегося женского тела, достигшего высшей, неуловимой никакими определениями гармонии. Но всего лучше было это чудное лицо, то загоравшееся бурей гнева, то светлевшее детской улыбкой».

С. 205. После слов: «глухое отвращение ко всему» — «В редакции лезли в глаза те же давно надоевшие лица, те же разговоры, сплетни и не утихавшая ни на мгновение газетная грызня. «Наш собственный корреспондент» Никитушка крестил за глаза Покатилова червонным валетом, и эта кличка обошла все редакции, а потом явилась в анонимной статейке какого-то уличного листка. Но Покатилову было все равно».

После слов: «на несколько дней» — «чтобы встряхнуться. Он уходил один. Модные кабаки и все эти заветные углы, где сорятся бешеные деньги, давно ему опротивели. Покатилов шел в глухие кабачки и портерные, где околачивалась всякая рвань и голытьба. Это была оборотная сторона улицы. В этом своеобразном мирке копошились безымянные представители мелкой уличной прессы, которые в куче уличных отбросков и разного хлама собирали свои материалы. Покатилову нравилось заводить знакомства в среде этих подонков, и он проводил тяжелые бессонные ночи в самых темных столичных притонах − где-нибудь в извозчичьем трактире, в салоне безголосой каскадной певицы, в шайке карточных шулеров и т.д.».

С. 206. После слов: «в старые барские дома» — «в самую трудовую обстановку, освященную нищетой, везде, где незримо таились глухие порывы и кровожадные инстинкты».

После слов: «безнадежным скептицизмом» — «Патовые концы человеческого существования стоили изнанки, и везде повторялось одно и то же».

После слов: «холодную руку» — «Да, он понимал теперь все, все видел и все чувствовал, а прежде всего то, что еще никогда Сусанна не была так далека от него, как сейчас. Она залетела в его квартиру».

После слов «что думал и что чувствовал» — «Ведь у него было столько *своего*, а всякий человек только постольку человек, поскольку вносит в жизнь именно это *свое*».

С. 207. После слов: «аллегории на нравственные темы» —

«— Да, черт возьми, положение старика не того… — говорил капитан Бэтси, когда Симона Денисыча не было. — Очень скверное положение… да!.. И у него дочь, и у меня дочь… Одним словом, получается свинство, Лизавета Ивановна. А Симон Денисыч сильно задумывается иногда.

— Вам он ничего не говорит?

— Симон Денисыч?.. Э, это такой крепкий человек, железный человек, и никому не будет жаловаться. Люблю… Мы отлично понимаем друг друга и без слов. Конечно, я не могу согласиться с некоторыми его взглядами на внешнюю политику, но это совсем другое. Да… По себе могу судить-с… Человек живет, хлопочет, работает, надеется, и вдруг: трах! Это несправедливость, Лизавета Ивановна. Вы, конечно, понимаете меня…

— О, да… Мне кажется, если я не ошибаюсь, в крови русских чего-то недостает — нет характера, этой выдержки. Русские девушки в большинстве случаев очень эксцентричные особы, и от этого происходит много несчастий.

— Нет-с, это не кровь виновата, а это в воздухе… да! В воздухе зараза, Лизавета Ивановна.

Капитан вообще бодрился и часто поднимал литературные споры, чтобы немного развлечь Симона Денисыча, который все хорохорился. Происходили очень трогательные сцены.

— А что Калерия Ипполитовна? — как-то спросила Бэтси капитана.

— Ничего… — ответил капитан и сделал злое лицо.

— Т.е. как ничего?.. А, понимаю: все идет, значит, по-старому, да и трудно меняться в ее года.

— Нет-с, это уже другое начинается, Лизавета Ивановна… да!.. Разве я слеп?.. Нет-с, меня не проведешь. А Калерия Ипполитовна обыкновенной политикой хочет пронять меня. Вы ничего не замечаете особенного за Симоном Денисычем? Например, он начинает заметно реже бывать у вас?

— Значит, ему скучно здесь?..

— Нет, это совсем другое-с, Лизавета Ивановна!

Бэтси так и не могла добиться толку от капитана, а только поняла, что Калерия Ипполитовна устраивает опять что-то нехорошее».

С. 209. После слов: «пока вы меня не простите»: — «в окончательной форме.

Бэтси чувствовала, что oncle заявился к ней недаром, а что-то желал высказать, но он был еще несколько раз и ничего не высказал, а только окончательно…»

После слов: «отвратительный человек!» —

«Между тем oncle что-то задумал крепко и никуда не показывался; он даже не обращал внимания на свою конюшню и предоставлял кучерам воровать овес сколько им было угодно. Смазливая горничная была куда-то отправлена, и холостая квартира приняла окончательно невозможный вид. Oncle по ночам долго шагал по пустой зале, курил без конца трубку и что-то мычал про себя, так что вахмистр, торчавший в передней за швейцара, решил про себя, что с барином неладно, и по этому случаю выпил лишнюю сороковушку водки. Однажды под вечер oncle велел подать себе лошадь и отправился в Васильевский остров, к Анне Григорьевне. Старушка была, конечно, дома и с удивлением встретила братца, который не был у нее целый год.

— Чему обязана счастьем видеть тебя, Nicolas? — спросила она, закрывая творение Фомы Кемпийского, которое читала нынче постоянно.

— Да так: вздумал и приехал… Хотел представить тебе, Annette, доказательства своих родственных чувства. Ну, как ты поживаешь, братец мой?

По рассеянности oncle часто повеличивал Анну Григорьевну «братец мой», что ее всегда коробило, и она долго по-кошачьи щурила свои блестящие глазки.

Oncle посидел у сестры с полчаса, наговорил с три короба всякого вздора и начал быстро прощаться.

— Только-то? — протянула старушка вопросительно.

— Только… Ты, Annette, непременно сойдешь с ума со своим Фомой Кемпийским, предупреждаю тебя. Ну, прощай, да не надоедай богу своим французским благочестием, ибо и благочестие нуждается в известных границах.

— Да… В этом случае исключение сделано только для одной глупости, которая без границ.

Oncle засмеялся, весело взглянул на ядовитую старушку и зашагал к двери, но с полдороги вернулся и как-то нерешительно проговорил:

— Вот что, братец ты мой… чуть не забыл тебе сообщить одну интересную новость: я ложусь в берлогу…

— Как ты сказал?

— В берлогу, говорю, ложусь… Не понимаешь? Ну, говоря проще, вступаю в закон…

Анна Григорьевна всего ожидала от любезного братца, но только не этого — Nicolas женится… Нет, это какая-нибудь мистификация, или просто он хочет подурачить ее, как иногда делает.

— По твоим годам довольно трудно отыскать приличную партию, — ответила она с расстановкой. — В шестьдесят лет невесты попадаются редко… Впрочем, нынче браки устраиваются чуть ли не на акциях.

— Да, к твоему счастию, люди делаются глупее с каждым годом… Моя невеста — Бэтси Кэй.

— Это которая занималась с той…

Анна Григорьевна совсем не произносила имени Julie, точно это слово могло запачкать ее очищенную Фомой Кемпийским душу.

— Да, это та самая Бэтси… Конечно, я немножко молод для нее, но я, кажется, скоро должен окончательно ликвидировать свои дела и хочу передать свое имя благодарному потомству. Из Бередниковых остался только я один… Бэтси премилая особа и будет по крайней мере обеспечена.

— Бэтси, Бэтси… — повторяла Анна Григорьевна, стараясь что-то припомнить. — Ах, да, это та самая, которая…

— Да, с которой Роман поступил очень скверно, и я хочу загладить этот несчастный грех. Ха-ха!.. Послушай, братец ты мой, ты не очень думай на эту тему, а то мысль к мысли, пожалуй, не уложится в твою маленькую головку. В медицине известны случаи, когда при сильном мозговом напряжении в черепе близких родственников образуются трещины…

Анна Григорьевна величественно указала своей маленькою высохшей ручкой на дверь, и когда oncle исчез, долго и задумчиво нюхала из маленького флакончика какой-то необыкновенный спирт».

С. 210. В рукописи гл. IV (в опубликованном — III) начиналась такой фразой: «Капитан был до некоторой степени прав — в семье Мостовых происходило нечто такое, чему трудно даже подобрать название».

После слов: «с румянцем на щеках» —

«— Хорошую муку раздавали наши-то!.. — злорадствовала горничная Людмила каждый раз».

С. 213. После слов: «благодаря времени» — «а такими бабскими грехами полон свет…».

После слов: «и вдруг ухаживает за ним» — «Раз она даже поцеловала его и раскраснелась, как гимназистка. Что же это такое?.. Калерия Ипполитовна теперь была очень занята делами мужа, просматривала газеты, читала его статьи, и Симон Денисыч с торжеством объяснял ей значение таких мудреных слов, как эмоция, интуитивный, прострация.

— Сначала мне было даже немножко страшно, Леренька, — объяснял Симон Денисыч, — все незнакомые слова. Ну, а потом ничего, скоро привык. Мы с капитаном делаем так: если попадает какое-нибудь незнакомое слово, мы его сейчас же к черту! Мало ли дурацких слов портят наш журнальный язык.

Симон Денисыч смеялся, и с ним вместе смеялась счастливая этим смехом мужа Калерия Ипполитовна. Она сделала открытие, что у Симона Денисыча совсем не такое глупое лицо, как это ей казалось раньше, и что он, право, недурно смеется. Зинаида Тихоновна была такого же мнения.

— Нет, настоящий мужчина, как следует быть! — уверяла она».

После слов: «Ободренный таким вниманием, Симон Денисыч» – «читал свои статьи жене вслух и советовался с ней…».

В рукописи словами «Сусанна переживала самое тревожное время…» *начинается пятая глава.*

После слов: «удивлявшая обоих» —

«Капитан ревновал своего друга и подозревал Калерию Ипполитовну в каких-то нехороших замыслах. Это было даже неприлично — один лыс, у другой седой волос пробивается и вдруг телячьи нежности разыгрывают. Когда состоялась экспромтом свадьба Бэтси, капитан почувствовал особенно свое горькое одиночество и даже возроптал. Ему ничего не оставалось, как обратиться к Зинаиде Тихоновне.

— Скажите, пожалуйста, на что это похоже? — жаловался капитан, дергая свои усы. — К ним теперь порядочному человеку в гости нельзя прийти — так друг другу в глаза и смотрят — тьфу!.. Это уж свинство…

— Ничего ты, капитан, не понимаешь, хоть и был в военной службе! — решала Зинаида Тихоновна. — Тут совсем особенное дело…

— Свинство!

— Ну, пошел пыль поднимать, воевода…

— Нет, мое-то положение… а?»

С. 214. После слов: «хоть один лишний час» —

«Раз после одной из таких горячих сцен Чарльз выбежал из комнаты, не простившись с Сусанной, лакей показал ей визитную карточку, на которой по-английски курсивом стояло: *«Артур Зост, заводчик»*. Про-

бежав глазами эту карточку, Сусанна как-то не обратила на нее внимания и, подавая ее лакею обратно, проговорила:

— Это не мне, а Юрию Петровичу.

— Нет, они вас желают видеть…

— Ты что-нибудь перепутал?

— Никак нет-с… Они еще повторили, что не барину, а барыне.

«Это старик Зост, отец Чарльза, — спохватилась Сусанна, и в первое мгновение ужасно струсила.

— Что ему надобно от меня, этому старику? Сказаться больной и не принять… О, нет, все равно, пусть будет, что будет!»

— Проси, — проговорила она совершенно спокойным тоном.

Поправляя волосы перед зеркалом, Сусанна заметила, что лицо у ней было покрыто розовыми пятнами; она торопливо выпила стакан воды и пошла в залу, навстречу приближавшимся твердым шагам. Приземистая и широкоплечая фигура старика Зоста с седой головой и холодными серыми глазами еще раз заставила Сусанну испытать неприятное чувство робости, но она подавила в себе это невольное проявление слабости и посмотрела гостю прямо в глаза.

— Madame, мне необходимо переговорить с вами об одном очень важном деле… — сухо проговорил Зост, опуская глаза.

— Я догадываюсь о причине, которая привела вас в этот дом, — просто ответила Сусанна и прибавила: — Будет лучше, если мы пройдем в будуар и там объяснимся…

— Мне решительно все равно… — в прежнем тоне ответил старик, нехотя шагая за хозяйкой через знакомую уже нам гостиную. — Я могу говорить где угодно, потому что мне нечего стыдиться.

Эта последняя фраза бросила всю кровь в голову Сусанне, но она промолчала и только побледнела. Зост чувствовал себя совершенно спокойно и с таким вниманием осматривал окружавшую его обстановку, точно явился на аукцион; когда вошли в будуар, старик поднял брови и сморщился.

«Вот где пропадает Чарльз», — подумал он, мельком взглянув на шелковые обои с китайскими драконами.

Сусанну он плохо рассмотрел, а только видел ее домашнее платье из мягкой, серой материи с легким пушком, ложившимся у ног длинными складками, как свернутый в трубочку веер; ее лицо показалось ему даже некрасивым, хотя держала она себя с настоящей аристократической простотой.

— Вы встретили Чарльза, когда он выходил от меня? — спросила Сусанна, указывая гостю место на низеньком кресле, где только что сидел Чарльз.

— Да… Он побежал, как помешанный, и даже не заметил меня. Это так и должно быть с человеком, который потерял не только

голову, но и совесть… Я уверен, что уже недалек тот день, когда Чарльз Зост навсегда останется здесь и погибнет. Да, он должен погибнуть, madame… Я пришел сказать вам именно это самое, что сейчас сказал, хотя моим седым волосам и не следовало появляться вот в этой самой комнате, немой свидетельнице преступных сцен преступного чувства.

Старик напрасно старался держать себя настоящим джентльменом — у него то и дело срывались с языка обидные словечки и целые мысли; Сусанна слушала его неподвижно и только чуть заметно щурилась, когда Зост поднимал тон. Ей точно нравилось подставлять голову под этот град вежливых оскорблений, чтобы этой чисто внешней болью заглушить страшное душевное состояние. Это покорное и болезненное выражение лица Сусанны еще сильнее бесило разгорячившегося старика, и он забегал нетерпеливо по комнате.

— Я понимаю, что в ваших глазах я просто смешной и бессильный человек… — уже выкрикивал Зост, останавливаясь пред самым носом Сусанны. — Когда за мной затворится дверь, вы будете хохотать надо мной вместе с тем мальчишкой… да!.. Но я не комедию пришел к вам разыгрывать, как это делает такой же несчастный старик-отец в «La dame aux camelias»… нет, я не буду вас просить ни о чем…

— Что же вам нужно от меня? — спросила тихо Сусанна.

— Мне?.. Мне нужно вырвать отсюда глупого мальчишку.

— Напрасный труд… Вы видели, с каким лицом он выходил от меня?.. Он давным-давно не принадлежит мне… и не принадлежал никогда. Это была ошибка…

— Понимаю, понимаю: произошла маленькая любовная ссоришка, и вот вы теперь будете уверять меня, что все это была ошибка… Да, была ошибка. Ха-ха… Что же, в таком случае бывает не ошибкой? Ну, да это все равно, я слишком стар, а вы слишком опытны, чтобы разыгрывать мелодрамы, поэтому будем говорить начистоту, как просто порядочные и практичные люди.

— Только по возможности без предисловий…

— Отлично. Надеюсь, мы поймем друг друга… Начну без околичностей с того, что своими отношениями к Чарльзу вы губите себя, т.е. губите то исключительное положение, которое создано вашей красотой и умом. Да, умом… в каждой специальности, к сожалению, не позволительно быть глупым. Хорошо-с… Я совсем не желаю и не имею права разбирать ваших отношений к вашему мужу… это его личное дело, и мы, англичане, привыкли уважать даже фикции семейного очага, но в вашей жизни есть другая сторона, чисто общественного характера, и она, как всякая общественная деятельность, обязательно должна иметь свои мерку, вес и длину, а следовательно — подлежит критике. Од-

ним словом, я знаю всю процедуру, как через ваши руки проводились большие дела — это в порядке вещей… Что же теперь делать? Я привык уважать всякого сильного противника, и вдруг вы разбиваете свою общественную роль из-за минутной прихоти, из-за чисто бабьей слабости…

Сусанна слушала, опустив глаза; она чувствовала на себе тяжелый пристальный взгляд неумолимого старика, и розовые пятна появлялись на ее скулах. А Зост продолжал говорить и разоблачал ее, точно рассматривал какую-то очень сложную машину, отвинчивая винт за другим и вынимая пружину за пружиной.

— Одним словом, вы губите и свое общественное положение и тем самым — личное счастье, — продолжал Зост. — Шаг за шагом вы погрузитесь в полную неизвестность, что для вас равносильно смерти. В таких исключительных положениях середины не бывает и малейшее нарушение равновесия кончается крахом… В другой раз подняться на ту высоту, на которой вы теперь стоите, не удастся, потому что молодость даже к самым красивым женщинам не возвращается… Вы уже потеряли Теплоухова, а теперь теряете этих всесильных старичков… Что же вас ждет? Приличная нищета и жалкое прозябание… Вот все, что я вам хотел высказать, madame.

— Мне остается только добавить, что вы совершенно правы… — тихо проговорила Сусанна, поднимая свои чудные глаза. — Я все теряю и желаю только одного, чтобы меня предоставили моей участи. Это мое маленькое и единственное право… Никто не потеряет ничего, если одной дурной женщиной будет меньше. Что касается вашего Чарльза… Могу сказать одно: отправьте его в Англию под каким-нибудь предлогом, и он будет этому рад… и там женится на простой честной девушке… Это его спасет… Теперь вы довольны?

Старик не ожидал такого оборота разговора и заметно смутился. Сусанна была так безумно хороша в своем женском героизме, что в душе Зоста шевельнулось чувство жалости к ней.

— Вам немножко жаль меня… — заговорила Сусанна после тяжелой паузы. — Нет, вам обидно, что во мне вы не можете найти именно той дурной женщины, которая вам теперь необходима, чтобы все свалить на ее голову? Если бы я действительно хотела погубить вашего Чарльза, разве я так держала себя с ним?.. Я погубила себя тем, что отдала ему всю душу, и, как бывает в таких случаях — он не понимает и не может понимать меня… Я хочу все или ничего, а весь Чарльз никогда не будет мой. Молодость, красота, ум — все это фальшивая монета на житейском рынке, где женщина является только красивым телом.

Зост молчал и старался не смотреть на свою собеседницу, которая выговаривала фразы прерывавшимся от волнения голосом — ей так много хотелось сказать этому старику, который пришел сюда оскорб-

лять ее безнаказанно, но мысли душили ее и вырывались бессвязными отдельными фразами, как искры скрытого внутреннего огня.

— У меня никогда не было мужа, т.е. человека, который отдал мне свою душу, — продолжала Сусанна в нахлынувшем на нее порыве откровенности. — Даже телом я не принадлежала мужу и в этих случаях имела право на многое… Нужна была только женщина, которая служила приманкой всесильных старичков — такую женщину и нашли, выдрессировали и ввели в известную колею. Я не желаю никого обвинять и не жалуюсь… Позор прикрывался блестящими игрушками и тщеславием. Честные женщины имели полное основание завидовать мне… Встреча с Чарльзом превратила мое счастие в мыльный пузырь, который лопнул от собственной тяжести. Если вы увидите Чарльза… послушайте… я… гадкая, скверная женщина, но ведь я еще так молода… ведь в мои года только еще начинают жить…

— У вас есть отец… — сухо проговорил старик; он чувствовал, что не должен был здесь сидеть и выслушивать все, что говорила эта страшная женщина, но какая-то железная сила приковывала его к месту. — Я его знаю… это отличный человек…

— Нет, у меня нет отца… — тряхнув головой, ответила Сусанна. — Никого нет… даже нет человека, который убил бы… Женщине ничего не прощают… она всегда является только красивой игрушкой, а между тем ей так немного нужно… Ведь нельзя же быть только красивой… вечно красивой, чтобы вызывать во всех одни и те же желания… А кругом ни одной ласковой порядочной руки, на которую можно было бы опереться с уверенностью, нет теплого слова…

— Вот вам рука… — неожиданно проговорил Зост, протягивая свою широкую мозолистую руку.

— Вы… вы… — зашептала Сусанна, в каком-то ужасе отступая от протянутой руки. — И вы?!. Нет, уходите, ради Бога… сейчас же уходите, а то я вас погублю… уходите же… сейчас уходите!.. О, Боже мой, Боже мой…

— А если я не желаю уходить, — сурово проговорил старик, и его серые глаза блеснули отчаянной решимостью.

Сусанна схватила свихнувшегося с ума старика за рукав сюртука, подняла с кресла и под руку вывела в двери. Он повиновался и, не оглядываясь, шел к выходу, точно слепой, которого толкнули в спину. В ушах у него шумело и пред глазами прыгали красные пятна…»

С. 215. После слов: «Понимаешь: Москва» – «Да, это громадный растягай с начинкой из архи-национальной Великороссии».

После слов: «Нилушка Чвоков» – «– одним словом, самый что ни на есть санкт-петербургский fine fleur».

С. 216. После слов: «просто девочкой» — «замужество даровало ей то спокойствие, какого ей не доставало целую жизнь. Эта женщина точно расцвела под лучами своего позднего счастья».

После слов: «проживем отлично» — «Будете меня уважать, привыкните – вот и отлично».

После слов: «его удерживать» — «Конечно, Бетси тяжело было оставлять газетных старичков, но делать больше ничего не оставалось».

После слов: «не желая огорчить мужа» – «который считал своим долгом показать ей и Эрмитаж, и гостиницу Локушева, и знаменитый Яр, и капеллу Славянского, и соединенные хоры московских цыган с Ильей Соколовым во главе. По вечерам Бэтси бродила, как оглушенная, и только удивлялась, для чего была помещена сюда такая масса никому не нужных предметов. Да и русского на всей выставке было так мало. Oncle, наоборот, чувствовал себя, как рыба в воде, и до хрипоты объяснял выставочные шедевры по всем отраслям.

— Знаешь, что здесь всего замечательнее? – говорил он однажды жене, когда они возвращались с выставки к Локушеву. – Всю эту выставку ты можешь положить к себе в карман… Да. Во-первых, здесь есть замечательное листовое демидовское железо, тонкое, как почтовая бумага, и, во-вторых, свинцовая дробь, которая тяжелее лучшей английской – и только… Серьезно говорю. Ах, виноват, здесь еще одна штучка, но ее не укладешь в карман, и я покажу ее тебе в следующий раз. Это будет почище и железа, из которого делают визитные карточки, и самой тяжелой в свете дроби…

Действительно, в следующий раз oncle завел Бэтси в кустарный отдел и показал ей глазами на мужика, работавшего дверные приборы, т.е. собственно одни шарниры. Это был самый обыкновенный мужик, какого только можно себе представить — небольшого роста, с взлохмаченной головой, в засаленной рубахе и вдобавок кривой на один глаз. Этот мужик тут же и производил свое мастерство при помощи самых удивительных орудий: вместо наковальни у него был старый утюг с обломанной ручкой, расхлестанный молоточек, стальная пила, зубило для прорубания дырочек, старые ножницы в станке для обрезки железа – и только. Бэтси действительно удивилась, но только тому, что тут решительно нечего было смотреть.

— Ничего не понимаешь? — сказал довольный oncle.

— Ничего…

— Ах ты, глупенькая, глупенькая… Так пойми, что этот один мужик стоит всей этой дурацкой выставочной городьбы. Да-с… Он сам стоит грош и все его инструменты грош, а видела, что он делает и как чисто

делает. Ведь добрые люди все это машинами орудуют, а он на утюге… Ха-ха!.. Голубчик, ведь это даже некоторая промышленная философия получается: ведь эти машины и чудеса всяческой промышленной деятельности стоят государству миллиарды, да и держатся исключительно только правительственными субсидиями, монополиями, покровительственными тарифами, казенными заказами, а без этого они все пойдут ко дну завтра же. Понимаешь? А мужик-кустарь ниоткуда ничего не получает, но всякий с него берет свою долю, и он же еще ухитряется существовать, да еще конкурирует со всеми чудесами отечественной промышленности. Во-первых, он работает свои шарниры из дорогого отечественного железа, переплачивая свои кровные гроши нашим заводчикам-магнатам, вроде Теплоухова и братии, которые не пропускают на рынок дешевого заграничного железа; во-вторых, этот мужик работает все в долг: железо у него взято в долг и обойдется ему вдвое дороже нормальной цены, инструменты тоже наверное хозяйские, да и работу свою сдает он московскому купцу прямо за железный грош… Как он изворачивается?.. Ах, голубчик Бэтси, я как-нибудь расцелую его, подлеца!.. Вот где наша национальная, ничем не сокрушимая сила, а не в этих миллионерах наших, которые сидят на шее правительства паразитами и теперь потешают почтенную публику разными фокусами-покусами…

Oncle поймал на выставке Нилушку Чвокова и привел его к кривому мужику.

— Видели, батенька? — спрашивал oncle, задыхаясь от волнения. — Вот в этом утюге да в расхлестанном молотке самое чудное чудо вашей выставки, да еще прибавьте, что этот пещерный человек сам не знает себе никакой цены… Ну, да вас этим не проймешь!..

Нилушка только пожал плечом и понял объяснения oncl'я не больше улыбавшейся Бэтси; он не спал шесть ночей, приготовляясь к великой промышленной битве, ибо имел в запасе некоторый сюрприз для русских заводчиков.

— Вот смотрите и казните, — не унимался oncle. — Все это ваш грех…

— Извините, пожалуйста, мне некогда, — сухо отозвался Нилушка, приподнимая шляпу.

— Обед во имя процветания отечественной промышленности?

— Да, обед…

— Желаю вам успеха…

Нилушка криво улыбнулся и сейчас же укатил на игрушечном поезде электрической железной дороги на другой конец выставки, а раздраженный oncle выругался ему вслед и потащил Бэтси к выходу. Когда они проходили через залы с картинами, oncle остановился и точно вздрогнул так, что Бэтси невольно посмотрела в сторону, куда

повернулась голова мужа: перед портретом жены Маковского стоял Теплоухов, а с ним рядом, крепко опираясь на его руку, стояла Julie и что-то говорила, не отрывая глаз от картины.

Oncle плотнее прижал к себе руку Бэтси и молча потащил ее к выходу, наступая на платья дамам и толкая мужчин. Эта неожиданная встреча окончательно взволновала его, так что он не мог успокоиться вплоть до своей «Лоскутной».

В опубликованном тексте отсутствует седьмая глава рукописи:

VII

Работа на выставке кипела, т.е. та работа, которая на Руси, как известно, может твориться только в разных комитетах, комиссиях и секциях. Пока выставочная публика фланировала по галереям, залам и отдельным павильонам, любуясь зрелищем всяческих чудес отечественной промышленности, настоящие дельцы были по горло завалены работой и на время точно совсем хотели раствориться в целом море цифр, статистических данных и цифровых соображений. Это была в полном смысле гигантская работа, потому что из неизмеримо малых величин нужно было создать нечто вполне определенное, цельное и законченное, завершавшееся стереотипной фразой: «А посему секция такая-то приходит к заключению о настоятельнейшей необходимости ходатайствовать пред правительством» и т.д. Далее следовала уже совершенно промышленная тарабарщина о тарифах и ввозных пошлинах, о гарантиях и субсидиях, о просвещенном содействии и даже об народной политике. Московские короли миткалей, плисов и кумачей хлопотали о создании русского рынка в освобожденной Болгарии, в Средней Азии и в только что покоренных пустынях Ахал-Тэкэ; нарождавшиеся набобы бакинского керосина ходатайствовали об изменении железнодорожных тарифов, чтобы удобнее залить всю Европу кавказским керосином, южно-русские каменноугольные промышленники ходатайствовали о наложении пошлин на привозимый из-за границы каменный уголь, о том же думали производители сахара, солевары, рыбники, виноделы, садоводы и т.д., и т.д. Все эти светочи и блуждающие огни родной индустрии слились в одном желании просить и ходатайствовать о всевозможных льготах, какие только в состоянии придумать человеческий ум, точно все эти короли, набобы и просто толстосумы превратились в голодную толпу нищих, явившихся на выставку за подаянием. Горнопромышленники, конечно, не отстали от других и ловили дорогое время.

Из предыдущего мы уже знаем, что партия русских заводчиков раскололась на две фракции: одна, собственно русские горнозаводчики,

тянула в одну сторону — добиваясь воинствующих пошлин и самого широкого протекционизма, другая фракция с переделочными заводчиками стояла за полную свободу внешнего и внутреннего рынков и проповедовала laissez faire — laissez passer. Теперь фигурировал Богомолов, занявший со времени провозглашения счастливой идеи о горнозаводском банке выдающийся пост. В Москву Богомолов приехал вместе с Теплоуховым, с которым и поселился в «Славянском базаре».

— Ваше имя, Евстафий Платоныч, для нас теперь имеет большую цену, — объяснял Богомолов своему патрону, — оно придает особенный вес нашим ходатайствам, потому что кому же лучше знать интересы русского горного дела, как не русским заводчикам.

Богомолов за последнее время окончательно получил столичную шлифовку — пополнел брюзглой и солидной полнотой всех биржевиков и финансовых тузов, постиг великое искусство солидно одеваться, что на житейском рынке не последнее дело, бросил замашки провинциального адвоката и даже научился придавать лицу в нужном случае хронически грустное настроение.

Богомолов лез из кожи и работал за троих, чтобы оправдать возложенное на него доверие, но главным двигателем для него являлась мысль, что как он, Богомолов, еще так недавно мог преклоняться пред Нилушкой Чвоковым, который не больше как ученая трещотка, тогда как он, Богомолов, есть русский самородок, как уже называли его в промышленных кружках.

— Еще посмотрим, Нил Кузьмич, чья возьмет! — несколько раз повторял Богомолов самому себе, когда оставался один. — Да-с… Старуха-то еще надвое сказала!.. И кто это нашел, что Нил Кузьмич умный человек, промышленная голова, какой-то гений… Вздор!.. Просто университетский болтун…

Такое самомнение много подкреплялось еще тем обстоятельством, что счастливая звезда Мороз-Доганского закатилась навсегда, хотя он и продолжал еще занимать прежнее место теплоуховского главноуполномоченного. Во влиятельных промышленных кружках при его недавно еще громком и веском имени теперь только пожимали плечами — словом, случилась самая обыкновенная история в быстро сменяющемся подвижном составе великих промышленных ловцов, где есть свои законы барометрического давления и специфические изменения температуры. Вырабатывает такой нюх, который без видимых признаков уже предчувствует запах начинающегося разложения, и от живого человека все незаметно начинают сторониться, как от зараженного. Именно в таком положении находился теперь Доганскийй, что Богомолову доставляло величайшее наслаждение, и он с нахальством parvenu несколько раз давал чувствовать своему недавнему покровителю, что его песенка спета. Богомолов, ослепленный бесом гордости, уже мнил

себя законным преемником этого Доганского и поэтому не упускал ни одного удобного случая, где мог подставить ему ножку. Давно ли великий Богомолов должен был заискивать пред каким-нибудь Доганским, а теперь этот же Богомолов старался отмстить собственное унижение, как это постоянно повторяется в жизни и как это никого и ничему не научает в виде печального опыта.

Доганский приезжал на выставку несколько раз, но оставался недолго, чтобы замаскировать свое фальшивое положение в горном мире. Он всегда останавливался тоже в «Славянском базаре», но ничего не делал, точно все чего-то ждал. Присутствие Доганского всегда являлось для Julie тяжелым бременем, что она и умела ему показать в тысячах тех мелочей, которыми так ловко распоряжаются женские руки и из которых неустанно ткется ткань нашей жизни. В этом случае Julie являлась безмолвной сообщницей Богомолова, хотя между ними никогда никакого откровенного согласия по этому щекотливому обстоятельству и не происходило.

— Вы, Julie, несправедливы ко мне… — проговорил Доганский на прощанье, когда уезжал из Москвы в последний раз.

— Это было бы уж слишком много, Юрий Петрович, чтобы я могла устраивать вам несправедливости, — холодно и насмешливо ответила Julie, глядя Доганскому прямо в глаза. — Я просто презираю вас… Несправедливыми бывают только к людям, которых любят или ненавидят.

Доганский желал что-то высказать своему неумолимому врагу, каким умеет быть женщина, но не было никакой возможности начать объяснение, и он откладывал свое намерение до более благоприятных обстоятельств. Эта мысль в голове Доганского почему-то складывалась по-французски и в переводе значила: «Julie, ты будешь могилой Теплоухова…»

С. 217. После слов: «ювелирной работы в исполнении» – «но сознание, что самое трудное уже сделано, удовлетворяло в Julie чувство сосавшей ее гордости».

После слов: «широкой волной» — «потому что Julie отделяет от обыкновенных женских предрассудков — не мечтала из Теплоухова сделать законного мужа и еще меньше того думала о разных романтических бреднях. Если раньше она была не заметной ни для кого девицей благородного звания, то теперь у нее было уже имя, определенное реноме, и, само собой, явились поклонники, эти истинные трутни, которые вьются около чужого огня.

— Я хочу быть силой – и больше ничего, — говорила Julie самой себе. — В этом случае и поклонники имеют некоторый смысл, как острая приправа…

Теплоухов отдался во власть холодного и расчетливого ума своей новой страсти и был совершенно счастлив; он всеми зависящими…».

С. 218. После слов: «удивлялась мансуровскому спокойствию» – «Про него рассказывали в Петербурге очень пикантный анекдот: Мансуров ухаживал за одной очень бойкой певичкой, которая принимала его в своей квартире, как одного из верноподданных; особенного ничего между ними не происходило, и певичка проделала над своим обожателем такую историю — усадила его в кресло с условием, чтобы он не смел шевельнуться, и в той же комнате на его глазах разделась и оделась. Мансуров выдержал искус и был выгнан обиженной красавицей.

— Неужели это правда, Илья Ильич? – спрашивала Julie.

— Совершенная правда…

— Да вы после этого просто какой-то чурбан… Ведь вы ухаживали за этой певичкой, значит она вам нравилась?

— Нравилась…

— Нет, вы самый невозможный человек, какого только можно себе представить».

С. 219. После слов: «в одной курточке» – «и открыл маленькую лавочку железных изделий, и эта лавочка превратилась в громадный машиностроительный завод, который поражал публику на выставке своими изделиями».

После слов: «в честь виновника торжества Зоста» —

«— Господа… мы здесь собрались для великой дел, — начал Либгарт, поправляя очки на своем разбухшем от нюхательного табаку носе. — Вот старый комрад Зост и старый пьяница Либгарт приехал на Россия сорок лет назат нищий… два нищий… Ничего в карман, много голова… Теперь Зост миллионер, мой старый комрад Зост и все другие будет миллионер, у кого немецкий голова… у, крепкий, отличный голова!.. Господа, выпьем за крепкий Зостов голова…

Этот спич был встречен единодушным взрывом аплодисментов и немецким ghoh; мистер Брукс хотя ничего не понял из всего сказанного, но тоже ужасно воодушевился и кричал громче всех других что-то необыкновенное: «…gip-gip-gurri!» Десятки рук потянулись к старому Зосту, и он не успевал отвечать на сыпавшиеся на него со всех сторон поздравления и рукопожатия.

— Благодарю, благодарю… — бормотал Зост, отмахиваясь от хвативших его рук. — Я не умею говорить, господа, и вот за меня ответит почтенный господин русский профессор, которого вы имеете честь видеть в нашей среде… Профессор, вы им ответите за меня.

Старик фамильярно потрепал Нилушку по плечу.

— Милостивые государи… — заговорил Нилушка привычным заученным тоном, поднимаясь с места. — На мою долю выпала честь отвечать вам от имени почтенного виновника настоящего праздника, и я горжусь этим, милостивые государи. Все вы слишком хорошо знаете почтенного мистера Зоста, поэтому совершенно излишне еще раз перечислять его достоинства и перейду прямо к делу… Факт покупки мансуровских заводов открывает собой новую эру в развитии нашей русской промышленности — это «начало конца» привилегированного антинационального положения русского горного дела, связанного по рукам и ногам в течение последних двухсот лет. Могучая куча русских заводчиков ничего не сделала за все это время, кроме разве того, что каждый фунт русского железа обошелся и обходится государству вчетверо дороже своей действительной стоимости на всемирном рынке. Русская железная промышленность очутилась в хвосте у европейской и американской и теперь делает последние попытки сохранить за собой свое беспримерное положение путем высоких тарифов и воинствующих пошлин, но это ни к чему не поведет, милостивые государи, а только ускорит окончательное разложение кучки паразитов. De facto конкуренция заграничных металлов с русскими устранена, но она только начинается… Почин в этом случае принадлежит именно мистеру Зосту, который теперь сделал первый шаг покупкой мансуровских заводов — этим именно путем будут обойдены все пошлины и тарифы, и борьба европейской промышленности с русской переносится прямо на неприятельскую территорию, и те монополии и привилегии, которыми русские заводчики думали отгородиться от европейской конкуренции, теперь пойдут в пользу именно этой европейской конкуренции, центр которой перемещается из-за границы в крепкие руки иностранных фирм, и наша промышленность, движимая иностранными капиталами и иностранными предпринимателями, пойдет вперед гигантскими шагами. Положим, что это еще первый пример такого поворота национальной производительности, небывалый еще в промышленных летописях, но он желателен именно в тех видах, что только при помощи такого обходного движения кучка тунеядцев будет выбита из позиции своими же собственными средствами: все эти воинствующие пошлины пойдут в пользу европейских капиталистов, которые будут приобретать русские заводы… Еще раз приветствую начало этого великого дела, за которое русский народ скажет вам, господа, свое великое спасибо, потому что вы, раз, избавите его от той страшной подати, которую он переплачивал русским заводчикам за каждый гвоздь, и, во-вторых, за то, что вы дадите движение величайшим нашим национальным сокровищам. В заключение мне остается сказать вам только то, что мистер Брукс, собравший самые точные данные о нашей производительности, дает

честное слово, что через год американские заводчики поставят свое железо на Нижегородскую ярмарку дешевле нашего русского, чему я охотно верю и желаю всякого успеха*…

Речь Нилушки была встречена оглушительными аплодисментами, а Либгардт даже расцеловал «свой ученый друг».

В рукописи имеется следующее примечание автора:

*Мистер Брукс сдержал свое слово, и в 84 г. на ярмарке в Нижнем американское железо продавалось дешевле русского, хоть каждый пуд этого железа нужно было оплатить золотой пошлиной в 80 к. с лишком и перевезти через Атлантический океан.

После слов: «ужасно кричали» – «Пьяные немцы горланили, как сапожники, кому-то грозили кулаками и пели Water jf Reine».

С. 220. После слов: «в «Эрмитаж» – «цыган слушать…».

После слов: «до «Эрмитажа» – «как зеленый попугай; он с американским нахальством завладел рыхлой нилушкиной натурой и выжимал из своего московского ученого друга необходимые сведения».

После слов: «под развесистой липой» – «и по рецепту Брукса тянул из кружки соломинкой какое-то мудреное пойло, составленное на американский манер из шампанского, нескольких ликеров, льда и апельсинов. На площадке между буфетом, театром и бюстом Пушкина бродила масса публики, освещенная фантастическим сиянием электрических фонарей. Летний вечер был тих, сверху гляделись разгоравшиеся звезды, но воздух был пропитан пылью и не давал прохлады».

После слов: «еще горше первого…» —

«— Какое же это второе зло? — навострил уши Брукс, обладавший способностью пить за пятерых и не быть пьяным.

— А европейские капиталы, которые мы перемещаем к себе? Ведь эта сила раздавит, как лягушек, не только всех этих государственных нищих наших русских заводчиков, но перевернет вверх дном решительно все, и может быть… Кто знает, что будет, янки?!. Если разобрать, так черт знает что такое происходит… Ха-ха!.. Это какая-то сплошная комедия… Сиротство нас одолело, промышленное нищенство…».

С. 222. После слов: «для нас всех» – «Я лично не нуждаюсь в деньгах, да если бы и была такая нужда, то во всяком случае за помощью я обратился бы уже не к вам.

– Интересно знать, к кому?

– Да к тому же старику Зосту… Стоит прогнать Чарльза, и я буду богаче прежнего. Ах, все это вздор и вздор, Роман Ипполитыч».

С. 223. После слов: «и действительность перемешивались» – «Сусанна будет моя… – повторял Покатилов самому себе и сейчас же прибавлял: – А эти шесть лет печального опыта? Нет, она никогда не будет моя… Теперь в особенности в ней заговорит гордость: она еще могла быть моей в дни своей силы, но не в то время, когда все ее оставили».

С. 227. «После слов: «в пять комнат» – «в глубине Поварской улицы, где Москва чрезвычайно походит на большую деревню – маленькие деревянные домики, садики, дрянные тротуары, сор и грязь на мостовой».

С. 228. После слов: «отдыхали душой» – «в этой трущобе, где их не тревожили воспоминания прошлого и куда не заглядывал никто из старых петербургских знакомых».

С. 230. После слов: «но опасности никакой…» — «Всему виной эта проклятая металлическая спринцовка для морфия, которую нашли тогда в номере Евстафия Платоныча».

После слов: «при домовой описи имущества Евстафия Платоныча» — «попала в руки опеки какая-то проклятая записная книжка Евстафия Платоныча, в которую он записывал все свои расходы до последнего гроша и где между прочим нашлись графы, компрометирующие всех нас. Да, я ничего не скрываю от вас. Отравление, конечно, пустяки, но книжка дело очень серьезное».

После слов: «Вообще очень и очень некрасивая история» — «которую наш общий хороший знакомый, конечно, постарается раздуть в настоящий пожар».

После слов: «во-вторых, ждать» —

«— Да, это великое искусство уметь ждать, как еще более великое искусство — вовремя уметь отступить. Так как к отступлению не предвидится никакой возможности, то остается ждать…»

— Да… А помните, когда вы сюда приехали на выставку, — припомнила Julie, не слушая Доганского, — вы все что-то хотели мне сказать, а я не желала вас слушать…

— Я хотел предупредить вас относительно Евстафия Платоныча. Он так изменился за последний год, и мне казалось, что именно вы могли поддержать его.

— Не понимаю.

— Т.е., видите ли, я подозревал, что Евстафий Платоныч слишком увлекается своим чувством к вам, а это в известном возрасте очень опасно. Но я просто ошибался: он систематически отравлял себя морфием — и только… Это модное лекарство, которое в нашем кругу практикуется слишком часто, особенно людьми с окончательно притупленной нервной системой».

После слов: «невозможная женщина» — «с фатальным характером».

После слов: «— Будем ждать» —

«— Ждать? Ха-ха… Но ведь было бы чего ждать, а то вся эта история так глупа… Боже мой, вот чего я всегда боялась, как огня! Ну, будь еще настоящее преступление, что-нибудь этакое грандиозное, а то сплошная грязь и глупость… Научите же, что мне делать? Ведь нам с вами на одной скамье подсудимых сидеть. Нет, это невозможно!..

— Это уж впрочем от вас зависит: сидеть или не сидеть. Мало ли есть средств…

— Понимаю: бежать, отравиться, сойти с ума. А сознание, что все это случилось только по глупости, непростительной глупости — это сознание хуже всякого позора, хуже смерти!.. Я теперь только начинаю сходить с ума… Oncle, выходите сюда, чем подслушивать в замочную скважину!..

— Я тоже не отпираюсь… Я действительно слышал ваш разговор, — заявлял oncle, выходя в гостиную. — Только ты, ради бога, не волнуйся, Julie.

— А у вас отчего глаза красные? Он плакал, как баба… Oncle, голубчик, стыдитесь и не обижайте меня: я все перенесу, только не сожаления.

— Что же мы теперь будем делать?

— Теперь ровно двенадцать часов, — с улыбкой ответил Доганский. — Самое время пить кофе…

Он остался пить кофе и держал себя, как всегда, настоящим джентльменом и все время поддерживал плохо вязавшийся разговор, oncle тоже вздумал припомнить несколько анекдотов из своего запаса, но из этой попытки ничего не вышло, и Julie только качала головой. Бэтси молчала и старалась не смотреть ни на кого — она всегда немного боялась Доганского, а теперь не смогла на него даже взглянуть.

Julie время от времени чувствовала на себе пристальный взгляд Доганского, этот всегдашний взгляд, который ее преследовал везде, но теперь она не испытывала больше отвращения к своему врагу — ее тянуло к нему, и она не сопротивлялась овладевшему ее чувству.

— Мне пора… — проговорил Доганский, когда кофе был кончен.

Он молча простился с oncl'ем и с Бэтси, а Julie вышла проводить его в переднюю.

— Я теперь понимаю вас… — тихо проговорила Julie, когда Доганский уж надел шубу. — Мы действительно не должны больше водиться… и я уважаю вас, именно за это уважаю… да.

— Julie… Julie… — сдавленным шепотом заговорил Доганский, напрасно стараясь скрыть подступавшие к горлу слезы.

Этот шепот точно испугал Julie, она отступила назад и посмотрела на закрывавшего руками лицо Доганского издали, точно хотела лучше запомнить эту длинную мужскую фигуру.

— Подождите… — пискнула она и убежала в свою комнату, оттуда вернулась с крошечным золотым медальоном, который и передала Доганскому. — Здесь мой портрет, когда я еще была девочкой… А теперь прощай…

Доганский протянул руку, но Julie обхватила его шею обеими руками и горячо поцеловала эту мудреную голову».

В опубликованном тексте отсутствует одиннадцатая глава рукописи:

XI

Первым оповестил петербургскую улицу о скандальном деле отравления Теплоухова, конечно, котлецовский «Прогресс» с необходимыми прибавлениями, намеками и недомолвками; между прочим было указано на то прискорбное обстоятельство, что в числе обвиняемых по делу привлекается редактор одной распространенной петербургской газеты. Заканчивалась статья обещанием познакомить публику с этим интересным делом в самом непродолжительном времени, а пока газета ограничивалась замечанием, что на скамье подсудимых будут фигурировать вместе с редактором один делец высокого полета, а затем три замечательные красавицы, хорошо известные в большом обществе, и что, наконец, на суде выступит интересный роман главной героини с одним молодым иностранцем из хорошей и богатой семьи.

Первым прочитал этот роковой номер в редакции «Северного Сияния» капитан, и газета вывалилась у него из рук; он знаком показал Симону Денисычу на предательские строки и замер на месте.

— Вот тебе раз… — проговорил Симон Денисыч, привычным движением хватаясь за свою лысину. — Кто же это мог отравить Теплоухова? Капитан, как вы думаете? И редактор распространенной петербургской газеты… молодой иностранец… Позвольте, позвольте…

Симон Денисыч наконец умолк, проникнув в самую суть хлесткого известия… — ведь это Котлецов махнул насчет Юленьки и Сусанны, а редактор без сомнения Покатилов. Известие было самого ошеломляющего свойства, и старики просидели молча до самого прихода Покатилова, который всегда первым делом каждое утро пробегал котлецовский «Прогресс», как сделал и теперь. Дочитав до известия об отравлении Теплоухова, он в первый момент тоже ошалел, но потом пришел в себя и проговорил вслух:

— Все это гнусная ложь и клевета!.. Я буду преследовать Котлецова судом и покажу ему…

Захватив с собой номер, Покатилов сейчас же направился к Доганскому, которого не видал уже с неделю и больше всего боялся, что не застанет ни его, ни Сусанны дома, как это часто случалось. Но на его счастье и барин, и барыня были дома: Юрий Петрович работал над каким-то необыкновенным аквариумом, а Сусанна читала в своем будуаре последнюю книжку какого-то журнала. Покатилов прошел сначала к Сусанне, и первое, что ему бросилось в глаза, был тот же номер «Прогресса», который он привез; газета была развернута на той странице, где было напечатано роковое известие, следовательно оно было прочитано.

— Вы читали? — спросил Покатилов, пожимая протянутую руку улыбавшейся ему Сусанне; она в ответ молча кивнула своей красивой головкой. — Да вы поняли ли, в чем тут дело… а?.. Ведь знаете, чем это пахнет.

— Сибирью… — спокойно добавила Сусанна и опять засмеялась. — А вы разве не знали об этом? Еще третьего дня Юрий мне все рассказал… да. Это сюрприз Богомолова…

— Третьего дня… третьего дня… — в каком-то ужасе шептал Покатилов, хватаясь за голову… — И я ничего не знал до самой последней минуты? Вот это мило… Тут, кажется, все посходили с ума!..

Доганский был в бильярдной, где теперь на месте убранного бильярда на куче камней возвышались стенки аквариума из толстого зеркального стекла; на полу валялись обломки камней, видны были следы известки и небольшие металлические ведерки с каким-то мудреным составом. Двое рабочих в запачканных блузах держали стекла сооружаемого аквариума, а Доганский собственноручно замазывал углы особенной мастикой, которая необыкновенно скоро сохла. Он тоже был в блузе и так углубился в свою работу, что совсем не заметил вошедшего в комнату Покатилова.

— Ах, это вы… — равнодушно проговорил он, обернувшись. — Вы посмотрите на всю эту историю издали… Не правда ли, очень оригинально будет? Мы низ облицуем мягким туфом, а верх обложим разноцветными яшмами, малахитом, ляпис-лазурью… А когда будет фонтан и растения — это будет прелестно.

— Послушайте, Юрий Петрович, да вы, кажется, совсем с ума сошли со своим аквариумом?

— Именно?

— Да как же… Читали «Прогресс»?

— Ах да, я и забыл совсем…

— Оказывается, что вы давно все знали и сочли излишним даже предупредить меня… Это, наконец, черт знает что такое!

— Вот что, пойдемте лучше ко мне в кабинет и побеседуем настоящим манером… Вот что, Иван, — обратился Доганский к одному из рабочих, — ты замазывай так же другой угол, а потом я приду и укажу, что нужно будет делать.

Они вошли в кабинет и молча расположились в креслах у письменного стола; Доганский раскурил сигару и вытянул на средину комнаты свои длинные ноги. Спокойствие этого человека окончательно взорвало Покатилова, и он забегал по кабинету.

— Скажите мне, пожалуйста: вы сумасшедший или только притворяетесь каким-то идиотом? — заговорил наконец Покатилов, останавливаясь пред безмолвствовавшим Доганским. — Я решительно не понимаю вас.

— Чего же тут не понимать: все, что вы прочитали, к сожалению, есть истинная правда… Богомолов поднял самое скандальное дело.

— И вы так спокойно говорите об этом?

— О чем же мне волноваться? Будем ждать, что скажет предварительное следствие… Вся история может разрешиться ничем, хотя я сомневаюсь в этом.

Доганский, покуривая сигару, рассказал все, что успел разузнать о спринцовке для морфия и о записной книжке.

— Очень скверная история, если разобрать, — заключил Доганский.

— Скверно то, что в это дело замешаны женщины… один Котлецов такой скандал поднимет. Сусанна, Julie… а кто же третья, по-вашему?

— Да вероятно Бэтси… Больше некому быть.

— Боже мой, она тоже… Да это просто можно с ума сойти!.. Что же говорит Сусанна?

— Спросите сами, с вами она, может быть, будет откровенна. Кстати, какой-то остряк сказал, что если бы был изобретен какой-нибудь особенно эффектный костюм специально для того, чтобы выводить в нем женщин на эшафот, то вероятно нашлось бы много охотниц пожертвовать своей головой за это невинное удовольствие. А на скамью подсудимых что за беда прогуляться, и я не понимаю, отчего до сих пор наши модные журналы не изобретут специальных женских костюмов для этой цели.

Этот цинизм, «доходивший до грации», передернул Покатилова, и он едва удержался, чтобы не наговорить Доганскому крупных дерзос-

тей. К Сусанне за разъяснениями он тоже не пошел, а, не простившись с остроумным хозяином, скорее выбежал на улицу, чтобы освежиться — голова Покатилова готова была лопнуть от колесом вертевшихся в ней несообразностей. Вернувшись в свою редакцию, он застал в ней настоящий погром: воевала Зинаида Тихоновна, прибежавшая со своими векселями. Неистовствовавшая баба ревела и кричала, как сумасшедшая, пока ее не вывели за руки.

— Мои денежки, кровные мои денежки подайте!.. — орала она на лестнице, заливаясь слезами. — Ох, погубители… сицилисты проклятые! Ужо вот я подам подложный-то вексель в полицию, тогда вас всех, прохвостов, в Сибирь законопатят… Ах, пропащая моя головушка!..

Удрученная горем, Зинаида Тихоновна потеряла всякий лоск настоящей барыни и голосила и причитала, как деревенская баба, она только что прочитала в «Прогрессе» известие об отравлении Теплоухова и сразу сообразила, в какой попала просак, связавшись с этими настоящими господами. Первым делом Зинаида Тихоновна налетела было на Калерию Ипполитовну, но встала в тупик, когда та ей показала вексель Покатилова на тридцать тысяч. Потом только Зинаида Тихоновна догадалась, что Калерия Ипполитовна ее надувает вместе с братцем, и напрямки кинулась в редакцию.

Уговорить Зинаиду Тихоновну в ее настоящем виде не было никакой физической возможности, и Покатилов попросил капитана переговорить с ней на другой день, но и это посольство не имело никакого успеха, кроме того, что расходившаяся Зинаида Тихоновна чуть не выцарапала капитану его «бесстыжие» глаза.

— А если так, то она ничего не получит, — решил Покатилов.

Между тем брошенное «Прогрессом» известие было подхвачено мелкими уличными газетками на лету, как кость, выкинутая собакам, и дело покатилось, нарастая и увеличиваясь тысячами мелких подробностей. Отравление Теплоухова сделалось известием дня, и «весь» Петербург теперь говорил о нем. Газеты раздули имеющий быть громким процесс и не поскупились на краски, описывая его героев, причем больше других досталось Мороз-Доганским. Откуда и каким путем вырастали на газетных столбцах все подробности самого интимного характера — трудно сказать, но в них была и своя доля правды. Публика брала газеты нарасхват и требовала новых подробностей, еще пикантнее и забористее уже известных. Отношение Сусанны к Теплоухову и Покатилову, затем ее любовь к Зосту, даже визит старика Зоста — все это было вытащено на улицу; далее следовали подробности отравления Теплоухова Julie, для чего выбрана была именно выставочная суматоха, потом целая система вымогательства и обмана, посредством которых высасывались деньги из Теплоухова, даже был пущен в ход подложный вексель, заложенный Покатиловым Зинаиде Тихоновне, и

т.д. Улица заволновалась из конца в конец, счастливая случившимся крупным скандалом.

С. 231. После слов: «вызваны в Петербург» — «Существование «Северного Сияния» было на волоске и скоро закончилось полнейшим крахом».

После слов: «про себя повторял Доганский» — «и сейчас же уходил доделывать свой аквариум».

Вместо «Покатилов отправился в столовую» — «отправился в комнату, где строился знаменитый аквариум».

После слов: «приобщен к делу» – «об отравлении Теплоухова».

Судебный процесс в рукописи описан в XII главе.

С. 232. После слов: «настоящая давка» — «Тут был весь Петербург — настоящие дамы из салонов, просто дамы, горизонталки, газетчики, военные и т.д.».

После слов: «к сидевшей неподвижно Сусанне» —

«Странное дело, в последнее время прошло пред глазами публики так много разных процессов, и Покатилов писал о них в своей газете с особенным усердием, он иногда посещал вот эту самую залу суда и вместе с другими смотрел на фигурировавших героев дня, но тогда все это было для него чем-то таки посторонним, чужим и в большинстве случаев оставалось непонятным. Именно ему не давалась психология этих мудреных и скандальных дел, как не давалась она ни публике, ни суду. Только теперь все сделалось ему ясно: и это жадное внимание публики к таким делам, и враждебная брезгливость, с которой все относятся к подсудимым, и особенно то изумление, которое написано теперь на всех лицах. Чему же они удивляются, когда от скамьи подсудимых места для публики отделяет такое небольшое пространство и каждый принес сюда уже готовый материал для следующего процесса. Да, эта уличная публика, жадная до скандальных процессов, вынашивала в своей душе неисчерпаемый материал для новых дел — здесь улица распинала сама себя…»

После слов: «кончил защитой дочери» —

«— Господа судьи, ведь Сусанна прежде всего женщина и потом моя дочь, а русская женщина получает свою равноправность только на скамье подсудимых!»

После слов: «прямо начал с обвинительного тона» —

«— Сусанна грабила Теплоухова, а Julie его отравила. Доганский и Покатилов были только орудиями в руках этих женщин».

После слов: «возмутило прокурора» — «и он, заподозрив самую наглую ложь…»

С. 233. После слов: «как позорное клеймо» —

«В течение трех дней, пока шел процесс, вытащено было на свет божий решительно все, что можно было вытащить. О многом подсудимые услышали здесь в первый раз».

После слов: «на голову одной Сусанны» — «что было уже несправедливо. Да, она была виновата, кругом виновата, но не во всем виновата. Теперь она желала себе полного обвинения…»

Первый петербургский роман Д.Мамина-Сибиряка «Бурный поток (На улице)»

В этом романе события из уральских просторов переносятся в столичное пространство.

Вдумчивый читатель, открывая книгу, наверное, задает вопрос, насколько Д.Мамин-Сибиряк следовал традициям описания Петербурга, как Мамин относился к т.н. «петербургскому тексту» – литературе о Петербурге, в которой очень часто российская столица изображалась великодержавной, чиновничьей, сословно-чопорной, равнодушной к судьбе служивого человека, студента, доктора или начинающего журналиста; местом испытания жизненно важной идеи, зарождения великой любви…

Автор «Бурного потока…» новаторски заявляет предмет изображения, описывая и анализируя главного героя столицы – «улицу». Именно поэтому начинается роман описанием «счастливого» дня в приемной комнате «ежедневной уличной газетки «Искорки»»*, в которой царит напряженная атмосфера, провоцируемая посетителями, впервые увидевшими друг друга. Самочувствие людей, случайно собравшихся в приемной редакции газеты, сравнивается писателем с атмосферой в «свидетельской» комнате окружного суда.

Мамин-Сибиряк подчеркивает местонахождение редакции в городе, ее максимальную близость к внешнему пространству, ибо комната с улицей составляют некое целое: «…катившиеся по улице экипажи заставляли вздрагивать стекла в рамах, на одно мгновение прерывая глухую ровную полосу смешанных звуков, тянувшихся со стороны Невского» (с. 7). Писатель сравнивает улицу осенней столицы с громадным каменным **коридором****, всегда полным народа (с. 9). Эта ассоциация закономерна, поскольку выявляет авторское отношение к Петербургу как к **Большому Дому**, в котором все и вся находятся в непосредственной близости друг к другу.

В первой главе, давая общую характеристику петербуржцам, автор в подавляющем числе примеров использует лексему «**публика**»: «Набравшаяся в приемную публика была…» (с. 7); «Уж только и публика!», – говорит журналист, взглянув на людей, сидящих в приемной (с. 9); «По мокрому тротуару напротив торопливо бежала деловая публика…» (с. 9).

---

* Цит. по нашему изданию с указанием страниц в тексте.

** Здесь и далее выделение полужирным шрифтом наше. — *Л.Щ.*

«Наша прямая обязанность служить публике», – декларирует редактор «уличной газетки», и далее, вздыхая, повторяет банальную фразу: «Публика – наш тиран» (с. 11). В вечернее и ночное время на Невском проспекте, как указывает автор, появляется «специально ночная публика»: театральная, деловая (с. 27). В Пассаже – «специально-пассажная публика»: «какие-то подозрительные барыни, самые темные личности в цилиндрах и моноклях, молодые чиновники, пьяные купцы, редкие покупатели и т.д. … толпы столичных молодых людей бродили по галереям второго этажа, нахально заглядывали в окна, останавливались и делали какие-то таинственные знаки по направлению отворявшихся форточек» (с. 28). И в дальнейшем тексте романа лексема «публика» обозначает себя концептуальной, ибо «улица» и состоит из «публики» различного происхождения и статуса.

Романист, вводя в повествование главного героя, хроникера и фельетониста Романа Покатилова, представляет его человеком, думающим и о принципах общения коллег с читателями, о смыслах журналистской деятельности. К началу романного времени он предстает сложившейся личностью, а до того, – пишет Мамин, – Покатилов в течение нескольких лет «переходил из одного заведения в другое, нигде не кончил курса и проболтался несколько лет вольнослушателем при университете, тоже без особенных результатов. Бесспорно способный человек, он нигде не мог себе найти места, попеременно меняя всевозможные профессии… Где он ни побывал и чего ни попробовал на своем веку, но его *всегда неудержимо влекло в столицу, в шумную столичную жизнь, к которой он чувствовал какое-то болезненное пристрастие, потому что сроднился с сутолокой, движением и какою-то оторопью специально-столичного существования…*» (с. 44). Обратим внимание на сопряжение заглавия романа – «Бурный поток…» – с именем героя – РОМАН ПОКАТИЛОВ, – в котором переплетаются мысли о неостановимости и непредвиденности драматического движения человеческой жизни: газетчик так же, как и другие, неизбежно попадает во все захватывающий на своем пути поток петербургской действительности. Метафора и жесткая реальность переплетаются: Мамин создает роман о Романе, верно и преданно любящем и Петербург, и профессию журналиста.

Подчеркнем, что писатель характеризует время 1880-х – начала 1890-х годов с помощью пространственной константы – «улицы» – и показывает драматическую и трагическую сущность ее взаимоотношений с человеком. Вместе с тем автор подчеркивает, что «улица многолика» и многосоставна, но Покатилов является органической «частицей» столичной улицы, поскольку наблюдать за движением «публики» доставляет «ему такое же удовольствие, как другим слушать музыку» (с. 10). Личностная органическая «вписанность» Покатилова в городское пространство рождает осознание многочисленных звуков улицы *музыкой* ее бесконечного движения, в котором и выявляется суть существования современного

мегаполиса. Такое представление позволяет влюбленному в Петербург журналисту по-настоящему оценить столичное пространство не просто как нечто «дисгармоническое и маленькое», но как «огромное симфонически глубокое Целое», в котором обозначены бытийные темы и проблемы, сюжеты и конфликты, коллизии и перипетии. Наверное, и поэтому себя герой видит «деятельною точкой в этом клокочущем море, только каплей, микрокосмом, в котором отражается целый мир…» (с. 10). «Уловление» «духа улицы» как «духа музыки» современности импульсирует вдохновение газетчика-профессионала, дает ему возможность плодотворно работать. Думается, что этого не замечала критика конца XIX—XX вв., ибо она рассматривала роман либо с народнических позиций, либо с позиций социологических*. Писатель не изображает героя-одиночку, страдающего от пошлой среды; писатель не изображает среду, губящую неординарного героя, – *в романе улица исследуется и представляется равноправным героем с персонажем, исследующим ее нравы, законы и дух.* И в этом заключается новаторский подход автора к созданию мирообраза российской современности, находящейся «на пороге» рубежной эпохи.

В произведении важнейшими становятся разные идеи: например, испытания главных героев из «уральской глубинки» на способность стать «петербургским человеком» (В.Топоров). Его проходят Сусанна Мороз-Доганская и Роман Покатилов. Сестра героя, Калерия Ипполитовна Мостова, приезжая в столицу из Сибири, при первой же встрече с братом заявляет противоположное желание: чтобы этот город стал временным пристанищем в их жизни, – и оно в финале сбывается. В то же время писатель создает сложную картину петербургского Бытия, в котором переплетаются нравственно-этические проблемы со многими другими, ведь Бытие «улицы» состоит не только из социальной характеристики. Автор изображает столицу и ее пространство как странное и привлекательное «живое существо»: его центральная, «…всемирная улица глядела на снующую мимо публику своими саженными зеркальными стеклами», а на окраинах «блестящие магазины сменялись просто магазинами», но это «бессильное подражание» центру города было жалким (с. 18). Мамин-Сибиряк *мифологизирует «улицу»*, поскольку изучает и описывает ее сознание; автор *персонифицирует ее, сравнивая публику, пришедшую с улицы в театр, с громадным чудовищем* (с. 61). Он показывает, как улица «вбирает» человека в себя, «опрокидывает» его в «бурный поток» реальности и наблюдает, что же произойдет в дальнейшем. И в данном случае Покатилов не является исключением, скорее, напротив, главным «испытуемым».

Сюжетно-композиционные хитросплетения романа становятся более понятными при обращении к смыслам «чужого текста», в нем «рассыпанного».

---

* См.: *Дергачев И.* Д.Н.Мамин-Сибиряк: Личность. Творчество. – Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. — С. 113—116.

В первой главе упоминается статья Покатилова о скачках, которая наталкивает на важнейший фрагмент «Царскосельских скачек» в романе Л.Толстого. Укажем на некоторые: Анну Каренину Толстой изображает в бытийной ситуации: во-первых, Анна пробует обрести счастье: ни автор, ни герои не мешают ей в этом. Во-вторых, Анна находится «один на один» с «безлюбовным», фальшивым миром, в котором важен принцип внешнего «соблюдения приличий», как у Бетси Тверской. Сломанный хребет скаковой лошади Вронского выступает символом «сломанной жизни» Анны, а также проявляет судьбоносный «параллелизм» в жизни этого героя. Он не просто «проигрывает» на скачках: Толстой показывает, что это драматически-трагическое событие «прогнозирует» ряд либо драматических, либо пограничных с трагическими (почти смертельная болезнь Анны, попытка самоубийства самого Вронского), либо трагических событий (самоубийство Анны). В совокупности они приводят героя к решению идти на войну, чтобы там «найти смерть».

В романе Мамина-Сибиряка скачки в Царском Селе являются не предметом психологического исследования и анализа «диалектики души» героев, не символом «загубленной жизни» одного из них, но удачным журналистским описанием «типичной скаковой публики», в особенности любительниц зрелищ, а также, что исключительно важно в сюжетно-композиционной структуре, описанием «новой звездочки» (с. 12). Ироническое сближение понятий: «скаковая лошадь» и «скаковая публика», сделанное романистом, намекает на важный, с его точки зрения, объект внимания.

В произведениях Л.Толстого и Д.Мамина принципиально отличается семантика лексемы «скачки». Первый включает это слово в драматически-трагический контекст повествования о судьбе Анны Карениной. У второго героиня является центральной фигурой в толпе «скаковой публики»; из этой толпы героиня Толстого выделяется естественностью в выражении сильнейшего переживания за жизнь Вронского. В рассматриваемом фрагменте романа Мамина редактор, похваливая интересное описание собравшихся на скачках людей, только намекает Покатилову на некую «историю» о «даме восточного типа», под которой подразумевается главная героиня, Сусанна Мороз-Доганская.

В романе Толстого «скачки» имеют и другое значение: они означают погоню за счастьем-призраком, которое поначалу представлялось Анне «горой», а в реальности парадоксально оказалось «песчинкой», разрушившей все, – и иллюзии, и реальность. Мамин-Сибиряк, называя роман «Бурный поток (На улице)», изначально концептирует другую мысль: о всеобщей динамике темпоритма человеческой жизни. Но это «скачкообразное» движение человека не является признаком и принципом естественного течения человеческих чувств и мыслей, столь ценимого автором «Анны Карениной». В романе Д.Мамина «скачки» – намеренно ускоряемое движение с целью любым способом в обществе выйти на «первые роли», чтобы оказаться на вершине социальной «пирамиды».

Заявленный в начале романа мотив скачек в дальнейшем разворачивается.

В 1880-е годы появляется множество произведений, в которых отмечается жизненный динамизм, привносимый цивилизацией, техническим прогрессом. Отметим некоторые из них: Мамин в это время пишет и издает еще циклы рассказов: «В дороге» и «На рубеже Азии», а также произведения, вошедшие в цикл «Святочных рассказов», — «Огни», «Последние огоньки». А.Апухтин пишет стихи: «С курьерским поездом», «Поезд жизни» и др., А.Чехов — рассказы: «В вагоне» (два варианта), «В Париж!» и др. В.Топоров в своей небесспорной концепции «петербургского текста» выделяет в «петербургском человеке» большую предприимчивость, деловитость, ориентированность в социокультурном пространстве, смелость в установлении целей и их реализацию. И этот комплекс, с точки зрения ученого, отличал его от «человека московского»*.

Первая встреча Романа и Сусанны происходит в театре. Мамин во фрагменте описания заполненного зрителями театра, на первый взгляд, очень близок Пушкину, который в XX строфе главы 1 «Евгения Онегина» писал:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит… (с. 18) **

Фрагмент в романе Мамина-Сибиряка начинается почти цитатой из «Евгения Онегина»: «Еще задолго до занавеса *театр уже был полон: партер, ложи и галерея были усыпаны публикой…*» (с. 59). Герой романа «…На улице» ведет себя подобно Онегину: оба рассматривают «незнакомых дам»; обоим наскучили знакомые лица. Но Покатилов не обременен «сплином» Онегина − журналист конца XIX века более настойчив во внимании к окружающим: «…он систематически рассматривал ложу за ложей, потому что если что-нибудь было нового в Петербурге, то оно непременно должно было попасть на «Певчих птичек» (с. 59). Принципиальные отличия этих сцен у рассматриваемых авторов осознаются лишь в контексте движения отечественной культуры: Мамин-Сибиряк создает произведение не о дворянах, ищущих место в столице и в мире, поэтому Роман Покатилов, в отличие от Евгения Онегина, является высокопрофессиональным газетчиком, а значит не столько наблюдателем, пресыщенным всеми удовольствиями, сколько аналитиком «жизни улицы». В отличие от Пушкина, Мамин-Сибиряк подчеркивает, что Покатилов не устает изучать публику, ибо всматривание в нее «всегда доставляло… пользу и удовольствие, как самая лучшая *живая картина текущей действительности со всеми ее злобами дня…*» (с. 59).

---

* *Топоров В.* Миф. Ритуал. Символ. Образ… — СПб., 1995. — С. 265—266; 272 и др.

** Цит. по: *Пушкин А.С.*: Полн. собр. соч.: в 10 т. — М., 1963. — Т. 5. — С. 18.

Оба автора представляют тип театра как выражение типа культуры в целом: Пушкин в XX строфе первой главы романа описывает разную публику, но, по преимуществу, из высшего света. Эта публика проявляет подлинный эстетический вкус к искусству классического балета. А вот кто составляет театральную публику в «Бурном потоке…»: «Налицо» был *«тот именно Петербург, который действительно живет, обделывает дела и всем ворочает: сановитая бюрократия, … биржевики, банковские воротилы, … светила адвокатуры, представители прессы, науки, искусства, клубные шулера, кокотки, восточные человеки, совсем темные личности, которых можно встретить везде…»* (с. 59—60). Это описание, представленное Маминым в VIII главе первой части романа, подчеркивает мысль автора о *мощном культурно-историческом сдвиге, о демократизации искусства в 1880—1890-е годы.* Театром Буфф интересуется все население столицы и, прежде всего, светила ее делового мира. Название спектакля, на котором присутствуют очень многие персонажи романа, — «Певчие птички», и роль, которую исполняет несравненная Жюдик, — это роль *«уличной певицы»,* и поведение зрителей *помогает* понять основную тему романа — изображение психологии и философии «улицы», «уличной массы», для которой пространство театра Буфф является близким. Сцена театра представлена в романе как «сцена» романной действительности, и на ней первенствует мадам Жюдик, ибо актриса изображает и себя, и себе подобных, и многих, сидящих в зале. «Эта *дочь парижской улицы* являлась теперь всемогущим центром…» (с. 60). Мамин-Сибиряк подчеркивает сакрализацию публикой мадам Жюдик, но он и не скрывает своей иронии к зрителям, поскольку сравнивает их с фантастическим «громадным чудовищем», «тысячью глаз» следившим «за двигавшеюся на подмостках приманкой» (с. 61). Уподобление массы зрителей «чудовищу», по своей природе способному не только «носить на руках», а и уничтожить своего кумира, являет собой персонификацию психологии и идеалов «улицы». Интересно, что «летучий корреспондент» Бегичев, называя актрису «великим историческим явлением» (с. 61), еще раз подчеркивает силу «улицы», создающей и утверждающей своего кумира. Вкрапление авторской иронии сохраняет мысль о снижении эстетических критериев в современном искусстве. В романе «Анна Каренина» только Вронский, как указывает автор, осмеливается «с новым удовольствием» посещать театр Буфф. Жена посланника не позволяет ему рассказать о французской актрисе. Но, как замечает автор, княгиня Мягкая, отличающаяся неизменной искренностью, проговаривает то, о чем, наверное, думают многие: «И все бы поехали туда, если б это было принято, как опера…».

Н.Некрасов в 1875 году пишет поэму «Современники», в которой *сатирически* изображает всех почитателей театра Буфф. Поэт высмеивает шутов-современников, замещающих истинное актерское мастерство представителями его «уличного образца». Главный герой, «князь Иван»,

и его единомышленники не просто преклоняются перед «талантом примадонны» а и создают «кружок Жюдистов», служащих и воспевающих своего кумира:

Мадонны лик,
Взор херувима…
Мадам Жюдик
Непостижима!..
Восторга крик,
Порыв блаженства…
Мадам Жюдик –
Верх совершенства!*

Л.Толстой в 1870-е гг., разносторонне характеризуя современность, представляет Вронского как «единичного», не зависимого от «мнений света» зрителя. Н.Некрасов в то же время сатирически изображает небольшое общество почитателей актрисы театра Буфф как редких, экзотических «экземпляров», как просто шутов, и шутов «с родословной». Д.Мамин в последнее десятилетие XIX века делает культурно-исторический «срез» в реалистическом изображении запросов, вкусов и потребностей столичной публики: запечатлевает сложный двуединый процесс культурно-эстетического сближения различных слоев и «прослоек», становящихся единой человеческой, зрительской, массой. Героев произведений трех авторов сближает восторженное отношение к театру Буфф и к его «примадонне». Вместе с тем Мамин, как и Некрасов, сатирическо-иронической «тональностью» изображения театра Буфф и его «примадонны», выполняющей функцию «приманки» по отношению к «зрителям-охотникам», думает об их устрашающей близости, – поэтому со-чувствие актрисы и зала он называет *«апофеозом улицы»* (с. 61). Но отношение и изображение «улицы» Маминым гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд: писатель от начала и до конца романа усиливает драматизм ситуаций, конфликтов и коллизий, в которые, как в «бурный поток», попадают главные герои.

Драматизм и трагизм судеб жителей Петербурга «провоцируется» все более утверждающимся законом власти «золотого тельца». С этой мифологемой связаны разные формы «драматургии» в романе: игра, интрига и месть. Сусанна мстит Калерии Мостовой за погубленное детство и юность; Юлия, дочь Калерии и Мороз-Доганского, не желает быть «дочерью двух отцов» и покидает дом родителей. Покатилов ради Сусанны занимает деньги, не подозревая, что ее муж, Мороз-Доганский, совершает подлог векселя, мстит, таким образом, журналисту, верно и преданно любящему его жену (уход жены и ненависть Юлии во многом провоциру-

* Цит. по: *Некрасов Н.А.* Собр. соч.: в 2 т. – М.: Художественная литература. – Т. 2. – С. 227–228.

ют самоубийство Мороз-Доганского). Судьба его дочери Юлии драматична, но только с точки зрения ее родителей. Девушка сознательно и охотно идет на содержание к крупному заводчику Теплоухову. Но переживаний Калерии Ипполитовны не понимает владелица меблированных комнат Зинаида Тихоновна: во-первых, она считает, что Юлия вправе распоряжаться своей жизнью так, как хочет. Во-вторых, с ее точки зрения, нет позора в том, чтобы девушка стала содержанкой богатого человека и добивалась своих целей любыми средствами. И эта мораль беззастенчивого своекорыстия исповедуется разными героями не только «с глазу на глаз», — она утверждается столичной публикой везде – становится главным принципом деловых отношений, принципом роста благосостояния, принципом самоутверждения «всякого и каждого», живущего в российской столице. Показательно в романе то, что автор изображает этот принцип не как *неписаный, но, напротив, как утверждающийся через средства печати* — в «больших» и «маленьких» газетах и журналах. Не случайно, что человек, «продающий себя», становится образцом и «символом» для вступающих в жизнь молодых героинь. Парадоксом и, одновременно, показательной закономерностью становится драматическая судьба Покатилова, который с любовью и рвением проповедовал этот «закон улицы». Именно «улица» безжалостно испытывает досконально знающего ее журналиста, и в результате он отправляется с Сусанной по этапу в Сибирь. Закономерна кольцевая композиция в описании «романной жизни» Покатилова и Сусанны: оно завершается двумя важнейшими «топосами»*: сначала это здание суда, а затем — храм, где герои венчаются. Семья Мостовых с разными ее членами отправляется жить в Москву.

Таким образом, одним из важнейших героев романа является *улица, столица, Петербург и его «публичные места» – «приемная редактора газеты», «кабак», «театр», «место скачек», «гостиница», «суд», «храм». Новаторство* Мамина проявляется и в том, что в этом произведении автор художественно осмысляет судьбу героев, либо только что приехавших из «провинции» (семья Мостовых), либо тех, кто до Петербурга долгое время жил в российской «глубинке» (Сусанна, Богомолов и др.). Если в предыдущем романе «Горное гнездо» основные герои устремлены в Петербург, то в «Бурном потоке…», напротив, показано хаотическое, полное драматизма и трагизма движение героев сначала в Петербурге, а затем, уже целенаправленное, из него – в Москву и в Сибирь. Логика творчества Д.Н.Мамина-Сибиряка указывает на новое место действия следующего романа «ТРИ КОНЦА» – СИБИРЬ.

Л.П.Щенникова,
доктор филологических наук

* «topos» (греч.) — место, местность («Современный словарь иностранных слов». СПб., 1994 г.)

Примечания

Бурный поток (На улице)

Рукописный вариант романа «...На улице» создавался писателем в Екатеринбурге с сентября 1884 по февраль 1885 года. В августе 1885 года Мамин вместе с М.Я.Алексеевой приехал в Москву и прожил там до мая 1886 г. В Москве в журнале «Русская мысль» роман и был впервые опубликован (1886, №№ 3—8).

После закрытия «Отечественных записок» в апреле 1884 г. и с приходом в «Русскую мысль» нового редактора, В.А.Гольцева, — человека либеральной ориентации, многие писатели стали постоянными сотрудниками «Русской мысли»: А.Н.Плещеев, Г.И.Успенский, В.М.Гаршин, Н.Н.Златоврацкий, П.Д.Боборыкин, В.Г.Короленко, А.П.Чехов, Д.Н.Мамин.

При публикации романа в журнале текст рукописи был значительно сокращен в третьей и четвертой его частях, что привело к объединению рукописных глав и смене их нумерации. Судя по письмам писателя, эту работу он проделал в первые месяцы 1886 г. В письме матери, А.С.Маминой, от 26 марта 1886 г. Д.Мамин сообщает: «К Пасхе закончу переделку романа и отрясу прах от своего пера — буду писать художественные бирюльки»[1]. Возможно, сокращения проводились по договоренности с редакцией журнала (в окружении Гольцева было немало ученых — «профессоров», по выражению писателя), но правка вполне соответствовала прежде сложившимся авторским принципам подготовки рукописного варианта журнальной редакции. Очевидно, что писатель, исключая часть текста, имел в виду **цели эстетические**, — т.е. освобождал произведение от описательных и художественно малозначительных фрагментов, делая повествование более динамичным.

Примечательно, что позднее, публикуя роман отдельным изданием, автор больше поправок в текст не вносил, только заглавие стало «двойным»: «Бурный поток» с подзаголовком «На улице».

Об истории создания романа имеются сведения самого писателя в его автобиографии, написанной в 1886 году, в год работы над романом «На улице», по заказу публициста А.С.Пругавина для задуманного «календаря писателей», к сожалению, не изданного. В автобиографии Мамин указывает: «Роман «Горное гнездо» служит в настоящем виде только введением к другому роману, действие которого должно было разыграться в столице. Но последнему намерению не суждено было осуществиться, т.к. журнал, где было напечатано «Горное гнездо», прекратил свое существование, а печатать продолжение в другом журнале автор нашел неудобным. Таким образом, появился роман «На улице», где автор сделал непростительную ошибку: в этом последнем перемешались две темы: с одной стороны, перед читателем проходят лица из «Горного гнезда», а с другой — представители «улицы». Первая тема осталась незаконченной, вторая только затронута»[2].

Несмотря на резкую самооценку, Мамин не считал роман творческой неудачей и был возмущен «неприязненной», «тупой» критикой романа, представленной А.М.Скабичевским, не понявшим авторского замысла. «Роман «На улице», — писал Мамин в «Автобиографии», — рисует нравы и типы того исключительного мирка, ко-

[1] Мамин-Сибиряк Д.Н. Собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. 10, с. 365.

[2] Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр. соч.: в 12 т. / Под ред. Е.А.Боголюбова. — Свердловск: ОГИЗ, 1951. — Т. 12. — С. 10.

торый расположился лагерем во всех больших столицах — здесь свои нормы жизни, своя уличная логика и свои типы»[1]. О критических откликах на роман см.: И.Дергачев «Д.Н.Мамин-Сибиряк. Личность. Творчество». Второе, доп. изд. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во. — 1981. — С. 114—116; Кандеева А. «К творческой истории романа Д.Н.Мамина-Сибиряка «Бурный поток» // Русская и зарубежная литература. — Омск: Изд-во педагогического института, 1965.

Отдельным изданием роман выходил в свет в Москве в 1900 г. в издательстве М.В.Клюкина, в Санкт-Петербурге в юбилейном издании 1912 г., в собр. соч. в 6 т.: т. 3. И, наконец, в Петрограде в 1917 г. в изд-ве А.Ф.Маркса в полн. собр. соч. в 12 т.: т. 10. В советское время роман не переиздавался.

В нашем Полном собрании сочинений текст публикуется по изданию А.Ф.Маркса, сверенному с предыдущими изданиями.

Стр. 15. *Beau frere* (фр.) — шурин.

Стр. 19. *Bric-a-brac* (фр.) — старье, хлам, лавка ростовщика.

De bric et de brac (фр.) — отовсюду понемногу, здесь и там.

Стр. 22. *Chambres garnies* (фр.) — меблированные комнаты.

Стр. 45. *Taedium vitae* (лат.) — (неприятный) запах жизни; вкус жизни.

Стр. 49. *Mon ange* (фр.) — мой ангел.

Стр. 68, 74. *O, mon cher amant, je te jure*
Que je t' aime de tout mon Coeur (фр.).
О, мой дорогой возлюбленный, я клянусь тебе,
Что люблю тебя всем сердцем.

Стр. 77. *Синодик* — поминальная книжечка.

Стр. 92. *Шманкухен* (от нем. Schmant — сливки и Kuchen — пирожное) — сливочное пирожное.

Стр. 93. *Сферосидериты* — железный шпат.

Стр. 96. *Curruculum vitae* (лат.) — краткая биография.

Стр. 96. *Trou* (фр.) — дыра, захолустье, грязное жилье.

Стр. 108. *Mea culpa, mea maxima culpa* (лат.) — моя вина, моя большая вина.

Стр. 109. *Решефтмахерство* — делячество сомнительного толка.

Стр. 111. *Жардиньерка* — корзина для растений, выращенных в комнате.

Стр. 115. *Ландлорд* — крупный землевладелец.

Стр. 121. *Amant* (фр.) — любовник.

Стр. 123. *Безешка* — поцелуй.

Стр. 144. *«Фактор»* — в данном случае в значении «фактотум» — доверенное лицо хозяина.

Стр. 153. *Celebrites du jour* (фр.) — знаменитости дня.

Стр. 154. *Sui generis* (лат.) — в своем роде, своеобразный.

Стр. 166. *Pointe* (фр.) — мыс.

Стр. 166. *Рэшпэн Жан* (1849—1926) — известный французский поэт, восставший против этических условностей, «предрассудков» и иллюзий; проповедовал дух свободного искательства и культ инстинкта.

Стр. 174. *Gont* (польск.) — клинообразные дощечки для покрытия крыши.

Стр. 176. *Пуассардка* — базарная баба.

Стр. 228. *«Киновия»* (церк.) — общинный монастырский уклад жизни.

---

[1] Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр. соч.: в 12 т. / Под ред. Е.А.Боголюбова. — Свердловск: ОГИЗ, 1951. — Т. 12. — С. 10.

Блажные

Очерки из заводских нравов

Впервые в «Восточном обозрении» за 1885 год, №№ 28, 29. Вошло в издание А.Ф.Маркса, т. 11. —1917 и в собр. соч. Д.Н.Мамина-Сибиряка: в 8 томах. — М: Гослитиздат, 1954. Текст произведения печатается по последнему изданию.

О связях образов «блажных» с национальными типами «крепостных дураков» и «юродивых» см.: Л.М.Шайхинурова «Блажные» Д.Н.Мамина в контексте традиций народной смеховой культуры // Творчество Д.Н.Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы. Материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д.Н.Мамина-Сибиряка. 4—5 ноября 2002 года. — Екатеринбург: Объединенный музей писателей Урала, 2003. — С.74—79.

В болоте

Из записной книжки охотника

Впервые в «Волжском вестнике» за 1885 год, № 3.

Очерк публиковался в следующих изданиях Д.Н.Мамина-Сибиряка: А.Ф.Маркса (Т. 5). — Пг., 1917; в собр. соч.: в 8 томах (Т. 4). — М., 1954; в собр. соч: в 10 т. — М.: Правда, 1958. — Т. 5; в ряде сборников рассказов, изданных в 1948—1959 гг. В настоящем издании печатается по изданию: Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Гослитиздат, 1954. — Т. 4.

Дешевка

Из летних экскурсий по Уралу

Впервые в журнале «Книжки недели» за 1885, ноябрь. Печатается по изданию: Д.Н.Мамин-Сибиряк. Собр. соч.: в 8 т. — М.: Гослитиздат, 1954. — Т. 4.

Зимняя вольница

Из записной книжки

Впервые в газете «Волжский вестник» за 1885, №№ 110—112. Печатается по единственному изданию.

Стр. 266. *«Даже черепу не было»* — тонкий слой ледяной корки на земле.

Стр. 272. *«Водополь начнется»* — половодье.

Стр. 280. *«Вашгерд»* — рудопромывный или золотомойный верстак, станок.

Стр. 281. *«Азямы», «зипуны», «чекмени»* — крестьянские кафтаны из домотканины.

Золотое гнездо

Впервые в «Новостях» и «Биржевой газете» за 1885, в № 9 за подписью «Баш-Курт». Печатается по этому изданию.

Описание золотых промыслов в Березовске, вблизи Екатеринбурга.

Стр. 285. Село скудельниче, купленное ценою крови. Согласно евангельскому тексту так называется село, построенное на земле, купленной на Иудины «тридцать сребреников». См.: 1) Евангелие от Матфея. Гл. 28. Ст. 1—10. 2) См. наши примечания ко 2 тому (книга вторая) данного Полн. собр. соч. — С. 595—596.

Коробкин

Из летних рассказов

Впервые в газете «Волжский вестник» за 1885, в №№ 196, 200, 204. Рассказ перепечатан в Избранных сочинениях Д.Н.Мамина-Сибиряка под ред. Д.А.Горбова.— М.: Художественная литература, 1935, а также в книге: Д.Н.Мамин-Сибиряк «Рассказы разных лет» под ред. И.Дергачева. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1985. Печатается по последнему изданию.

Стр. 297. *Гуго Гроций* (1583—1645) — известный голландский юрист, государственный деятель, писатель, рано обнаруживший уникальную одаренность.

Ната

Из летних рассказов

Впервые в «Саратовском листке» за 1885, в №№ 135, 139—141, 144.

Переиздавался в сб.: «Золотая лихорадка. Очерки и рассказы». — Екатеринбург, П.И.Перин. — 1900, а также в издании А.Ф.Маркса: т. 8. — 1916; в собр. соч.: в 10 т. — М., 1958. — Т. 6; включен в книгу: «Дикое счастье. Роман. Золотая лихорадка. Очерки и рассказы» / под ред. И.А.Дергачева. — Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1981. Печатается по последнему изданию. Рукопись-автограф хранится в ГАСО.

Стр. 316. *Кожаный болок* — верх укрытых саней.

Осип Иванович

Рассказ

Впервые в журнале «Русская мысль» за 1885, в № 11.

При жизни писателя рассказ вошел в сборник: «Миллион и другие рассказы». — М.: Д.П.Ефимов. — 1904; опубликован в издании А.Ф.Маркса. — Т. 7. — 1916. Печатается по последнему изданию. Рукопись и автограф рассказа хранятся в ГАСО .

Стр. 349. *Стлани* — в значении ровной поверхности, в том числе покрытой бедной растительностью.

Там же. *Бутара* — палка, которой буторили, мутили, взбалтывали песок или породу.

Стр. 354. *«Замурлыкал стихиру из партесных»* — «стихира» — народная легенда с использованием евангельского текста, либо сказание в стихах; «партесное» — многоголосое церковное пение.

Там же. *«Гаченное место»* — топкое место, заваленное насыпью.

Стр. 355. *Верея* — крюк или петля на воротах.

От Зауралья до Волги

Путевые картинки

Впервые в газете «Волжский вестник» за 1885 год, №№ 220, 229, 238, 247, 263. Подпись: Оник. Печатается по единственному изданию.

Стр. 381. *Прокураты* — проказники, шутники, плуты.

Там же — посессионное право — право, предоставляемое предпринимателям на владение государственной землей и недрами для устройства заводов и рудников без разрешения на продажу, передачу либо размен.

Пароходный купец

Этюд с натуры

Впервые в «Волжском вестнике» за 1885 год, № 299, в «Развлечении», № 49, позднее в сборнике: « В дороге. Очерки и рассказы». — М.: Д.Ефимов и М.Клюкин, 1898; в издании А.Ф.Маркса. — Т. 12. — 1917; в кн.: Д.Н.Мамин-Сибиряк. Золото. Роман. В дороге. Очерки и рассказы / Под ред. И.А.Дергачева. — Свердловск, 1982. Печатается по последнему изданию.

Стр. 403. *Прасолы* — оптовые скупщики сельской продукции.

Там же. *Сшибаи* — барышники и перекупщики.

Стр. 407. *На конике в передней* — коник — «ларь для спанья с подъемной крышей» (В.И. Даль); либо: прилавок у дверей или у печки.

Последняя веточка

Из старообрядческих мотивов

Впервые в журнале «Книжки недели» за 1885 г., июль. Позднее в издании А.Ф.Маркса. — Т. 5. — 1916 и в собр. соч.: в 10 т. — М.: Правда, 1958. — Т. 5. Печатается по последнему изданию.

Стр. 409. *Раменье* — лес, находящийся близко от полей и пашен.

Стр. 410. *Теплые повалуши* — общие спальни.

Стр. 415. *Обронного и басманного дела* — «обронной» — выпуклой, чеканной; «басманной» — тисненной, дворцовой работы.

Там же. *Рясно* — густо или крупно выделенный.

Там же. *Цата* — гривенка, приклад, подвеска у икон.

Последний день

Очерк

Впервые в «Новостях и биржевой газете» за 1887 г., в №№ 345, 347. Печатается по изданию А.Ф.Маркса. — Т.12. — 1917.

Свисток

Из рассказов о детях

Впервые в «Волжском вестнике» за 1885 г., в №№ 274, 277, 280, 285. Печатается по этому изданию.

Штучка

Из ярмарочных нравов

Впервые в «Волжском вестнике» за 1885 г, в №№ 28—30. Позднее в издании А.Ф.Маркса. — Т. 12. — 1917 и в ряде «Избранных сочинений» Д.Н.Мамина, из-

данных в 1935—1938 гг. в Свердловске и Челябинске. Печатается по изданию А.Ф.Маркса.

Стр. 464. *Chair a iarmarka* (англ.) — достиг ярмарочного «кресла» (престижа).
Стр. 466. *Шадривый* — рябоватый.

Волчий хлеб
Очерки литературной богемы

Впервые в журнале «Развлечение» за 1886 г., в № 2. Печатается по этому изданию. Первый эскиз биографического романа «Черты из жизни Пепко», написанного Маминым в 1893 году.

Гнездо пауков
Рассказ

Впервые в журнале «Наблюдатель» за 1886 г., в № 11. Печатается по единственному изданию.

Стр. 486. *Аматер* — любитель, знаток.

Горой

Впервые в «Сибирском сборнике» (научно-лит. периодическое издание под ред. Н.М.Ядринцева. Приложение к газете «Восточное обозрение» за 1886. Книга 1). Перепечатан в газете «Волжский вестник» за 1886, в №№ 117, 119, а также в «Екатеринбургской неделе» за 1886 г., в №№ 24, 26. В 1899 г. Вышел отдельным изданием в Петербурге; в 1903 — в Москве в изд. Д.П.Ефимов. При издании отдельной книжкой рассказ был сокращен. Включен в издание А.Ф. Маркса. — Т.11. — 1917; в издательстве «Юная Россия». — М., 1918; в собр. соч.: в 8 т. — М.: Гослитиздат. — 1954. — Т. 4; в книге: Д.Н.Мамин-Сибиряк «Рассказы разных лет». — Свердловск, 1985 / Под ред. И.А.Дергачева. Печатается по последнему изданию.

Стр. 494. *Поniток* — крестьянское домотканое полотно, из которого шили зипуны, сермяги, рабочие кафтаны.
Стр. 497. *«Под хивинца ушел»* — участвовал в хивинском походе русских войск в 1873 г.

Двадцать градусов
Рассказ

Впервые в газете «Саратовский листок» за 1886 г, в № 278. Печатается по единственному изданию.

Золотой брат
Сказка

Впервые в журнале «Семья и школа» за 1886 г., в № 1. Отдел 1. Для детей. Печатается по единственному изданию.

Между нами
Из записок старого холостяка

Впервые в «Развлечении» за 1886, в №№ 31—36. Печатается по изданию А.Ф.Маркса. — Т. 9. — 1917.

На лету
Очерк

Впервые в «Восточном обозрении» за 1886 г., в №№ 3, 4. Печатается по единственному изданию.

Приятное воспоминание
Рассказ

Впервые в «Саратовском дневнике» за 1886 г., в №№ 131—137. Печатается по единственному изданию.

Святой уголок
Путевые заметки

Впервые в «Екатеринбургской неделе» за 1886 г., в №№ 41—49; в 1905 г. в сборнике рассказов «Живая вода». — М.: Детское чтение. Отдельным изданием вышли в 1912 г. — М.: Юная Россия. Печатается по второму изданию сборника «Живая вода. Рассказы». — М.: Юная Россия, 1915.

Стр. 569. *Запаски и плахты* — «запаска» — женский передник; у украинок два куска домотканины вместо юбки. Плахта — широкий платок, обертываемый вокруг пояса вместо юбки.

Стр. 573. *Католический бискуп* (польск.) — епископ.

Старая дудка
Рассказ

Впервые в «Саратовском листке» за 1886 г., в №№ 127—130. Перепечатан в сборнике «Святочные рассказы». — СПб.: Я.И.Либерман, 1898. Печатается по изданию А.Ф.Маркса. — Т. 12. — 1917.

Учителька
Рассказ

Впервые в «Екатеринбургской неделе» за 1886 г. (литературное приложение, в №№ 10, 11, 12, 14, 16, 18). Печатается по единственному изданию.

Из рукописи к роману «На улице»

Стр. 634. *Хедив* — наследственные правители Египта с 1867 по 1914 гг.

Стр. 635. *Faire le facon* (фр.) — делать манеру.

Стр. 637. *Жир-фуксы* — искаженное от «журфиксы» (фр.) — присутственные дни, производственные собрания.

Стр. 637. *Modus vivendu* (лат.) — образ жизни.

Стр. 643. *Микроцефалы* — люди с малыми головами.

Стр. 644. *Адамант* — алмаз.

Стр. 654. *Condition qua non* (лат.) — непременное условие.

Стр. 657. *Choote* (фр.) — падение.

Стр. 659. *La dame veut — Dieu le veut (фр.)* — чего хочет дама, того хочет Бог.

Стр. 660. Confession's (фр.) — исповеди.

Стр. 668. *«La dame aux camelias»* (фр.) — «Дама с камелиями» (пьеса А.Дюма).

Стр. 670. *Fine fleur* (фр.) — сливки общества.

Стр. 674. *Laissez faire — laissez passer* (фр.) — пусть делают — пусть движутся.

Стр. 674. *Parvenu* (фр.) — выскочка.

Стр. 678. *«Water jf Reine»* — «Воды Рейна».

СОДЕРЖАНИЕ

БУРНЫЙ ПОТОК (На улице). *Роман*
Часть первая 6
Часть вторая 84
Часть третья 152
Часть четвертая 203

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ
Блажные. *Очерки из заводских нравов* 236
В болоте. *Из записок охотника* 247
Дешевка. *Из летних экскурсий по Уралу* 256
Зимняя вольница. *Из записной книжки* 266
Золотое гнездо 284
Коробкин. *Из летних рассказов* 294
Ната. *Из летних рассказов* 315
Осип Иванович. *Рассказ* 345
От Зауралья до Волги. *Путевые картинки* 370
Пароходный купец. *Этюд с натуры* 401
Последняя веточка. *Из старообрядческих мотивов* 413
Последний день. *Очерк* 432
Свисток. *Из рассказов о детях* 443
Штучка. *Из ярмарочных нравов* 459
Волчий хлеб. *Очерки литературной богемы* 476
Гнездо пауков. *Рассказ* 485
Горой. *Из летних скитаний по Уралу* 497
Двадцать градусов. *Рассказ* 512
Золотой брат. *Сказка* 519
Между нами. *Из записок старого холостяка* 527
На лету. *Очерк* 550
Приятное воспоминание. *Рассказ* 558
Святой уголок. *Путевые заметки* 567
Старая дудка. *Рассказ* 593
Учителька. *Рассказ* 603

РУКОПИСНЫЕ РЕДАКЦИИ
Из рукописи к роману «На улице» 630

Первый петербургский роман Д.Мамина-Сибиряка
«Бурный поток (На улице)». *Л.П.Щенникова* 687

Примечания 695